

Секретная миссия супермодели

Автор:

Мария Жукова-Гладкова

Секретная миссия супермодели

Мария Жукова-Гладкова

«Новый русский» султан Геннадий Дубовицкий в восторге: в его личном гареме вот-вот появится новая наложница, которую он выиграл в карты. Но белокурая супермодель Наталья не желает становиться игрушкой в чужих руках. Скрыться от навязчивого претендента ей помогает сосед, бывший чекист дядя Саша, и латышский журналист Марис. Но щупальца преступной группы Дубовицкого повсюду тянутся за беглецами. И ускользнуть от них не так-то просто, ведь за ними стоят огромные деньги, добытые черным бизнесом на нефти и водке, торговлей наркотиками и заказными убийствами...

Мария Жукова-Гладкова

Секретная миссия супермодели

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

Я бродила по огромной пятикомнатной квартире моего последнего спонсора в ожидании возвращения этого самого милого друга. Нужно было подготовиться к

торжественному моменту, который, кстати, вполне мог перерасти в трагический. Каким он станет, было известно одному богу. Я не бог и не претендую даже на звание ангела. Как и на то, чтобы попасть когда-нибудь в рай. Я уже давно знаю, что мое будущее место обитания определено довольно точно – ад, и только ад. Больше никуда меня не возьмут. Но, в общем, в этом самом месте, где беспрестанно пылает дьявольский огонь, скучать мне не придется (по крайней мере, мне так кажется), потому что на соседних сковородках будут жариться все мои знакомые, которым место тоже только там. Да и мой предыдущий, несомненно, уже занял какой-нибудь котелок, причем, как я подозреваю, самый комфортабельный, судя по тому, как он любил комфорт на этом свете и умел получать то, что ему захочется. А может, мне удастся охмурить кого-нибудь из администраторов этого самого загробного заведения? Как знать, как знать... Уж на нашей грешной земле я в этих делах поднаторела к своим неполным двадцати двум. Жизненный опыт у меня о-го-го! У других за шестьдесят такого не набирается. В каких переделках я только не побывала... прости, господи!

Итак, надо было точно решить, что надеть – парадно-выходной наряд, украсив уши и шею брюликами, или, наоборот, что-то скромненько-грустненькое, не бросающееся в глаза, и не использовать косметику. Шансы угадать у меня были пятьдесят на пятьдесят. Все зависело от того, в каком настроении вернется Олег Николаевич. А мог он вернуться, или порхая на крыльях, или мрачнее тучи. Со щитом или... нет, все-таки надеюсь, что не на щите. Хватит моего предыдущего.

Олег Николаевич вообще человек настроения. После проведения удачных переговоров, заключения выгодной сделки и тем паче получения крупной суммы он обычно мурлычет что-то радостное себе под нос, иногда даже приплясывает, устраивает пир на весь мир, а главное – обязательно покупает мне какой-нибудь подарок. Волошин считает: если ему хорошо, то и его девочке (то есть мне) тоже должно быть хорошо. За те десять месяцев, что я у него живу, он заключил немало удачных сделок... Я им уже и счет потеряла. А вот неудач и проколов было всего три...

Их я хорошо запомнила. Вернее, не сами неудачи, а их последствия. Я точно не знаю, что конкретно у него случилось в деловом плане, но зато усвоила другое: когда у него что-то не пошло, его девочка тоже должна быть в грусти. То есть не наряжаться, не краситься, не улыбаться, а лучше пустить слезу.

В первый раз он разорвал на мне мое любимое платье, а затем раскромсал его ножницами на мелкие кусочки. Ну не псих ли? Во второй сунул меня под

холодную воду, чтобы смыть тщательно наложенную косметику, и так больно тер мне лицо, что я потом два дня не могла сниматься... А в третий... ох, в третий дело вообще закончилось «фонарем». И я «пролетела» с очень выгодной рекламой каких-то шоколадок. А он до сих пор периодически постанывает, что что-то там не туда отправил. Ну ошибся адресом – так обратиться к получателям, скажи: так, мол, и так, верните, можно за вознаграждение, а он ведет себя, будто я виновата в его оплошностях. Понятно, что ему от кого-то из партнеров-компаньонов досталось, по башке ему дали, но я-то тут при чем?

Я, как вы, возможно, уже догадались, – манекенщица. И в рекламе снимаюсь, и по подиуму шляюсь. Олег Николаевич с этим делом помогает. В смысле, с поиском работодателей. Ему приятно, когда его видят под ручку с той, чье очаровательное личико и обалденная фигурка мелькают в телевизоре.

Вообще, Олег Николаевич специализируется по сигаретам. Но я их не рекламирую – они и так расходятся.

Олег Николаевич – ничего мужик. Но очень ревнив! Ну просто очень! Ему можно на других женщин смотреть, а мне на других мужчин – ни-ни! А то есть шанс схлопотать фингал. И опять с чем-нибудь «пролететь».

Только вот какой он придет сегодня?.. Знать бы... Я, наверное, неправильно оценила свои шансы. Не пятьдесят на пятьдесят. Если за последние десять месяцев проколы у него случались только трижды, а количеству удачных операций я даже счет потеряла, то ситуация выглядит, конечно, гораздо радужнее, чем я обрисовала. Не мог же он снова что-то не туда отправить, тем более до сих пор вспоминает тот свой провал. Должен был стать вдвойне внимательнее. В худшем случае, не угадав его настроения, я получу фингал. Или два – под оба глаза. Нос в принципе легко ломается... Но сделать операцию по его исправлению – не проблема. Может, получится даже лучше, чем сейчас. Зубы... Это вообще ерунда. Но что это я все о грустном? Мой предыдущий учил, что нет неразрешимых проблем. Тем более с денежками моего дражайшего папика. А если он еще почувствует себя виноватым... Я тут как раз себе одно кольцо присмотрела. Я давно хотела, чтобы по бриллианту было и спереди, и сзади – а не простая застежка, которая тут же бросается в глаза, когда делаешь высокую прическу... Так что будем считать, что кольцо я получу в любом случае – и если он явится в хорошем настроении, и если в плохом и нанесет мне, как говорится, моральный и физический ущерб. За который потом ему придется раскошелиться.

Придя к такому выводу, я тут же почувствовала себя лучше, покрутилась перед одним из трех огромных зеркал, что опять же только радовало глаз (вернее, оба мои глаза – и порадовало бы любой мужской, и вызвало зависть в любом женском), и села за туалетный столик.

Как популярная модель, я должна пользоваться определенной косметикой – или там «Ревлоном», или «Орифлеймом», или «Л'Ореалем». Иначе говоря, держать марку. Я и ношу все это с собой на кастинги, показы и съемки – чтобы видели, что у меня есть все, что требуется. Но на самом деле я предпочитаю нашу родную «Невскую косметику» – потому что она натуральная и не вызывает аллергии. Я недавно познакомилась с теткой (у них магазинчик при фабрике) – так у нее все посольские отовариваются, коробками берут и отправляют на родину. А наши все гоняются за этой иностранщиной. Ну и пусть гоняются. Посмотрим, что с их кожей будет годам этак к тридцати. А уж к сорока...

Приводя в порядок лицо (которое, впрочем, у меня и так в полном порядке), вернее, делая себя еще краше и милее, я прикидывала, чем там сейчас занимается мой Олежка. Я давно решила, что мне нужно быть в курсе дел своих мужиков. Ну, например, для того, чтобы вовремя сделать ноги, если что. Или вот, как сейчас, знать, какую физиономию для себя выбрать – радостную или грустную.

Сегодня определиться мне было сложнее, чем обычно, – у Волошина на вечер были запланированы две встречи. Идеальным вариантом было бы успешное завершение обеих.

Я не знала, с кем он встречается раньше, правда, хорошо представляла обоих типов. И с тем, и с другим карта могла лечь по-разному... Оба – орлы хоть куда...

Вахтанг Георгиевич Чкадуа вызывал у меня гораздо больше симпатий, чем «нефтяник» Геннадий Павлович Дубовицкий. Вахташа вообще был личностью колоритной. Грузин по национальности, родившийся под Тбилиси, курсирующий между Петербургом, Афинами, Нью-Йорком, Тель-Авивом, Гамбургом, Антверпеном и прочими городами мира, он занимался торговлей водкой, вином и сигаретами. (Вот тут как раз и имелись общие интересы у господ Чкадуа и Волошина.) Может, чем-то еще, я не знаю. В прошлом году был арестован в Париже за участие в попытке похищения соотечественника (в смысле, грузина), но выпущен под крупный залог, после чего Вахтанг отправился в Грецию и стал

еще и Константиносом Колиастасисом. Доказать участие Вахтанга Георгиевича в попытке похищения французы так и не смогли. Они, кстати, назвали его казус «делом русской мафии». Я тогда как раз находилась в Париже с моим предыдущим. Он очень смеялся, читая в парижских газетах про Вахтанга Чкадуа. Но французов можно понять – как еще они могли именовать этот «компот»? А вскоре я была представлена этому грузину лично уже следующим моим спонсором – Олегом Николаевичем, приятелем моего предыдущего, подхватившим и утешившим бедную девочку (то есть меня) после того, как мой предыдущий отбыл в мир иной. (Ему пустили пулю в лоб. Ну не совсем в лоб... По пуле в оба глаза. Но от лица ничего не осталось, одно месиво.)

На меня, кстати, уже год имеет планы Дубовицкий – этот второй тип, с которым мой сегодня встречается. Гавнадий давно пускает слюни... Но он мне несимпатичен. Вахташа хоть и напоминает орангутанга, но он Мужик! С большой буквы. И женщин любит. Ну просто всех баб. Настоящий грузин! А что Гавнадий любит, мне не разобраться. Ну деньги, конечно, власть... Вообще, он какой-то непонятный, скользкий. Отдам должное, держит себя в форме: подтянут, сухощав, говорят, регулярно в спортзал и в тир наведывается. Ко мне все подмазывается, даже звонил мне, когда Олега дома не было, обещал золотые горы. Я Олегу ничего не сказала: неизвестно, чем бы дело закончилось... И какие у них с Волошиным могут быть общие интересы? Неужели Олег нефтью заинтересовался? Этого еще не хватало. Ведь Гавнадий Павлович занимается только ею.

Вообще, отношение к тем, кто торгует нефтью и нефтепродуктами, у меня двоякое. С одной стороны, такой человек вызывает уважение (в особенности, если не скрывает рода своих занятий, живя в нашей стране и в наше время), с другой (если этот человек мне небезразличен) – невольное опасение за его жизнь. На Дубовицкого мне было плевать с высокой колокольни, а судьба Олега Николаевича, напротив, очень волновала. Ведь мой предыдущий погиб именно после того, как начал крутить совместные дела с Гавнадием Павловичем. Мало ему было компьютеров, нефтепродуктов еще захотелось. А Сергей-то, в смысле мой предыдущий, был человеком совсем неглупым. Но прибыли-то баснословные, хотя и риск немалый... Может, Дубовицкому не нужен был слишком умный партнер? Или беспокоиться начал Гавнадий Павлович, что Сергей все дело к рукам приберет? А ведь мог, царство ему небесное, вернее, подземное. Но зачем он вообще полез туда?

Волошину, конечно, слабо тягаться с Гавнадием Павловичем. Но Олег зачем-то встречается с ним. Неужели все-таки влез в нефтяные дела? Ох, чуется мое сердце – не к добру.

И тут еще один малопонятный мне аспект примешивается... В прошлом месяце Гавнадий Павлович на людях все время появлялся с Оксанкой Леванидовой – моей основной конкуренткой. Тут дело такое: фигуры у нас, можно сказать, одинаковые и рост – сто семьдесят девять, но она – брюнетка, а я – натуральная блондинка. Мы с Оксанкой с самого начала друг дружку возненавидели. Как же – соперницы. Если работодатель предпочитал блондинок – брал меня, брюнеток – ее. Нас даже иногда вместе снимали. Вот были дела... Стоим, улыбаемся в камеру и говорим одна другой гадости... Там по сюжету мы должны были разговаривать, только слова не записывались. Представьте, какими «комплиментами» мы осыпали друг дружку... Приличная девушка, по идее, таких слов знать не должна. И я ведь своего предыдущего от нее увела. Вот вони было... Но это все в прошлом. Сейчас речь не о том.

Просто недели три назад Оксанка куда-то пропала. Она не пришла на съемку клипа про шампунь. Я так злилась, что эта реклама досталась ей, но зато потом страшно обрадовалась, когда заказчики позвонили мне и предложили сняться у них. Оксанка так и не проявилась и никому не звонила. А на последних тусовках Дубовицкий был один и опять смотрел на меня глазами мартовского кота. Один раз подошел – но я не дала ему открыть рот и сама поинтересовалась, куда это запропастилась Оксана. Он просто пожал плечами. А вчера до меня дошли слухи, что ее родители заявили в милицию об исчезновении дочери.

До этого у Гавнадия Павловича была мулатка – Лена Отару. Поговаривали, что она отбыла к отцу в Нигерию. По крайней мере, такой слух ходил, но никто точно не знает. Одной конкуренткой меньше – и слава богу. Сейчас ведь столько моделей – пруд пруди, конкуренция у нас страшная, да и новые кадры постоянно подрастают. Правда, я никогда не стремилась в модели. Просто так получилось. Я очень рано поняла, что для женщины главное – удачно выйти замуж. А ведь для достижения цели все средства хороши, я так считаю.

Я училась в выпускном классе и с тогдашним моим молодым человеком тусовалась на ночной дискотеке. Ко мне подошла дама из модельного агентства и предложила работу у них. От нечего делать я согласилась. Это было проще, чем идти учиться, и открывало возможности поиска такого мужа, как мне надо. Вот так я и стала моделью.

Ну вот, лицо готово. Теперь нужно выбрать, что надеть. Может, просто пеньюарчик прозраченький накинуть на черное бельишко, которое Волошин так любит? Чего мудрствовать? В принципе этот наряд сойдет и для трагедии: не одета. А почему бы и нет?

Я достала черные кружевные трусики, сделанный по спецзаказу лифчик, визуально увеличивающий размер груди, натянула чулки со швом, пристегнула их к пояску... Туфельки на каблучке – неважно, что Волошин мне едва до плеча достает: он любит порыдать на груди. Низенький, толстенький, лысеющий – а вот имеет меня. Но здесь все объяснимо: у Олега есть деньги. И, откровенно говоря, после моего предыдущего для меня нет особой разницы... Все равно с покойным Сергеем ни один мужик сравниться не может. И вообще, в последнее время я что-то часто всех жалеть стала, себя, конечно, в первую очередь.

И еще мне жалко стареющих мужиков без хрустящей «зелени» в кармане, особенно тех, кто в молодости очень ничего был, донжуанил вовсю. Хочется им молоденькую, а мы теперь не те – нам пусть пострашнее, но побогаче. Но все равно жалко! Или это только мне, идиотке?

Ладно, пора заканчивать подготовку. Скоро явится. Ужин у меня готов – на тот случай, если после «процесса» их величество кушать пожелают, – быстро накрою. Шампанское в холодильнике. Надо бы для поднятия тонуса отведать моего любимого напитка. Я плеснула в стакан немного виски, потом добавила сливок «Валио». Все знакомые говорят, что у меня извращенный вкус. Но о вкусах не спорят, правда? Все, жду Волошина, пью виски со сливками.

* * *

В дверь позвонили только в третьем часу ночи. Я уже думала, что он не придет – снял какую-нибудь шлюху и отправился к ней. И звонок был не Олега...

Я тихонечко подобралась к «глазку» и выглянула на площадку. Там стоял Павел, водитель моего, фактически перекинув Олега Николаевича через плечо. Наверное, Павел все-таки услышал меня, потому что сказал:

– Наташа, открывай! Он пьян в стельку.

Я открыла. Павел молча пронес Волошина в спальню, положил на кровать, стянул с него ботинки, потом вышел в гостиную, кивком позвав меня за собой.

- Где он так нажрал?.. - уже начала я, но Павел меня остановил.

- Наташа... - Водитель очень серьезно посмотрел на меня. - Тебе нужно уезжать. Срочно. Из города. Возьми самое необходимое. Я подкину тебя куда скажешь.

- Но почему?! - не понимала я.

- Он, - Павел кивнул в сторону спальни, - проиграл тебя в карты.

Глава 2

Так, только этого еще не хватало. Я была возмущена до глубины души. Я, конечно, слышала, что содержанок преподносят в качестве подарка, передают во временное пользование, проигрывают в карты, но чтобы такое случилось со мной... Да как этот старый придурок посмел?! Да как он мог?! Я, такая девочка, мечта любого мужика, снизошла до того, чтобы жить с этим старпером, а он... Моему негодованию не было предела.

Правда, Павел быстро остудил мой пыл, напомнив, что времени у меня в обрез - неизвестно, когда новый хозяин изволят пожаловать за своим «имуществом».

- Раз не приехал вечером, появится только утром, - резонно заметила я. - Кто же попрется среди ночи?

Павел пожал плечами.

После того как первый порыв возмущения прошел, я задала главный вопрос:

- А кому проиграл-то?

Мне следовало знать, кто теперь на меня претендует и от кого надо скрываться. Пусть с Волошиным сами разбираются. Раз тот не сумел передать ценный груз из рук в руки – так ему и надо.

– Я не знаю, – ответил Павел.

– То есть как не знаешь?! – снова заорала я.

– Да тише ты. В самом деле не знаю. Я же не присутствовал во время... игрища. Я, вообще, узнал о случившемся из его пьяной болтовни себе под нос. Ну, поспрашивал чуток, чтобы вытянуть из него побольше. Он и напился-то поэтому. Сидел в баре – заливал горе. Любит он тебя, Наташа.

Ха, любовь называется! Чтобы на предмет этой самой любви играть в карты?! Это ж надо до такого додуматься!

– Но он же планировал на сегодня встречи с Вахтангом Чкадуа и Геннадием Дубовицким, – заметила я. – Он что, с ними с обоими играл? – Это нужно было выяснить. Кому я теперь все-таки принадлежу? Нет, конечно, я принадлежу только себе, я не так выразилась. Кто на меня претендует?

– Они оба там были, – вздохнул Павел. – И еще какие-то типы. Я других не знаю. В первый раз видел.

– Хоть наши или грузины?..

– Целый интернационал. Можно сказать, встреча представителей бывших союзных республик.

М-да. Ситуация осложняется. Если бы точно знать... Я заставила себя временно прекратить думать об этом и принялась за сборы. Считается, что женщине нужно очень много времени на то, чтобы куда-то собраться – но только не мне. В особенности в подобном случае. Открою вам секрет, я всегда готова к тому, чтобы быстро сделать ноги. Знаю, с кем общаюсь и живу. Нет, на такой вариант я, конечно, не рассчитывала... но что-то похожее предполагала. Рюкзачок с документами, деньгами, драгоценностями, комплектом фотографий для потенциальных работодателей, зубной щеткой, косметикой, сменой белья,

джинсами, майкой и свитером у меня всегда собран. Во вторую сумку я кинула два платья, запасные кроссовки, любимые туфли, которые было просто жалко оставлять, блузочку, юбочку и что-то там еще, что попало под руку. Плюс по пакету крекеров и чипсов, три яблока, пару апельсинов, бутылку пепси. Сама я в мгновение ока скинула свой «рабочий» прикид, облачилась в черные джинсы, хэбэшную футболку и летнюю курточку. Сборы заняли минут семь-восемь.

- Ну ты быстро, - поразился Паша, не ожидавший такой прыти.

- А что тянуть-то? - спокойно спросила я. - Вперед!

Когда я опустилась на сиденье «шестисотого» «Мерседеса», в котором обычно ездил Волошин (как и мой предыдущий), Павел вопросительно посмотрел на меня.

- На Пулковское шоссе, - сказала я.

- Наташа, лучше бы ты уехала из города, - заметил он. - Может, у тебя бабушка какая-то...

Бабушек у меня не было, а на Пулковском шоссе находилась однокомнатная квартира, принадлежащая лично мне. Когда полтора года назад умер отец, мы с моим старшим братом Андреем поставили перед матерью вопрос ребром: размениваем нашу трехкомнатную. Старая квартира располагалась в хорошем районе - Василеостровском - и насчитывала пятьдесят шесть метров полезной площади. Все комнаты были изолированные. Ее удалось разменять на три однокомнатные.

Мне досталась самая большая: восемнадцать - комната, девять - кухня, но в отвратительном состоянии. Правда, состояние я быстро улучшила - были бы деньги. Брат поехал на Ново-Измайловский, в «хрущобу» на пятом этаже пятиэтажки, с малюсенькой кухонькой и совмещенным санузлом; мать - на Белы Куна, далеко от метро, без балкона и с маленькой неудобной кухней. Мы тогда бросали жребий. Кому как повезло. Я считаю, что мне повезло больше всех. Я вообще везучая.

- У тебя подружка на Пулковском живет? - спросил Павел, трогаясь с места.

– Нет, это моя квартира, – ответила я. – Я там прописана.

– Идиотка! – взорвался Павел. – Тебя же там будут искать в первую очередь!

Я не стала объяснять Павлу, что, во-первых, в самых очевидных местах как раз могут и не искать (ведь, как часто бывает, воры перерывают все ящики и оставляют брюлики и деньги, лежащие на самом видном месте), а во-вторых, долго задерживаться там я не собиралась. Я никому никогда не доверяла на все сто и не имела оснований доверять Павлу. Да ведь и любой человек смертен... А перед смертью подручные как Вахтанга, так и Дубовицкого (и Волошина, и прочих) могут вытянуть из него все, что он знает о моих передвижениях. А с какой стати ему жертвовать собой ради меня? И так спасибо. Пусть сообщает, что отвез девушку по месту прописки. Если спросят, конечно.

На прощание я чмокнула Павла в щечку, сказала ему о том, какой он классный мужик, мы пожелали друг другу удачи, и я скрылась в подъезде.

Свою квартиру я посещала, по крайней мере, раз в неделю. Холодильник обычно не оставался пуст – тушенка, паштет в банках, чай, кофе, макароны и крупы всегда имелись в запасе: чтобы, в случае чего, я могла безболезненно сменить место дислокации и выдержать осаду. Но осаду я выдерживать не собиралась – я планировала в самое ближайшее время отбыть и отсюда. Кое-что вынуть из сумки, кое-что положить – и двинуться в путь.

Я проанализировала ситуацию, в которой оказалась, и решила, что пока следует остаться в Питере, но залечь на дно. После того как буду точно знать обстановку, я приму окончательное решение. Нужно выяснить, кто меня выиграл. Уточнить свидетелей «радостного» события. А потом найти главных конкурентов – или даже лучше врагов – победителя. Вот к ним и подаваться. Кто-то на меня, определенно, клюнет – в этом я не сомневалась. Мне еще не доводилось встречать мужика, который бы на меня не отреагировал. Правильно ведь говорят, что внешность – главное для женщины. Ну кто же откажется поиметь русский вариант Клавы Шифер в своей постели? А внешнее сходство у нас с ней имеется. Клава Шифер Питерского уезда – это и есть я, Наташа Перепелкина. Только глаза у меня – темно-карие, а брови – черные-черные, но натуральная блондинка. Ошибка природы, как говорил мой предыдущий. Но почему же ошибка? Успех, я считаю, потому что пользуюсь им. То есть я и на знаменитую немку похожа, и все-таки своя, родная для наших самцов. Что бы наш мужик с Клавой делал? Ну раз трахнул, два, а дальше? Наши же все

поговорить любят, особенно, когда на грудь примут. А как с ней разговаривать, если наши на родном, блатном и матерном изъясняются, а Клава – на немецком, английском и французском? А со мной – пжлста!

То есть я рассчитывала на свои внешние данные и на похотливую натуру самца породы мужик. А уж врагов у этих самых «карточных игроков» должно быть немало. Причем у каждого. В этом я опять же не сомневалась. Правда, на время придется свернуть свою модельную деятельность, но ничего, денежки у меня на черный день припасены, да и родной братик, если что, в беде не оставит. И еще есть кое-какие личности, которые могут согласиться помочь мне... За красивые глаза. Ну и не только за них, конечно.

На мгновение у меня возникла мысль подключить к делу родную милицию, но я быстро отвергла эту идею. Тот, кому меня проиграли, – любой из тех, кому Волошин мог меня потенциально проиграть, – в состоянии с потрохами закупить всех наших стражей правопорядка. У ментов – зарплата от государства, у Вахтанга Георгиевича и Геннадия Павловича – твердая валюта. Это раз. А два – у меня не было надежных знакомых в этой части нашего общества. Нет, имелся один... Но он не пойдет.

Этот самый подполкаш проживал с моим предыдущим в одном подъезде, и познакомились мы все при весьма любопытных обстоятельствах. Подполковник Суравейкин отмечал что-то с приятелем в своей машине, стоявшей прямо за «запасной» машиной Сергея – «Вольво-850», у нас под окнами. Потом подполковник решил куда-то поехать и стал выруливать из-за «Вольво». Догадываетесь о результате? Я выскочила на улицу, памятуя о том, как Сергей любил свои драгоценные тачки, и сообщила Суравейкину, что сейчас позвоню своему, чтобы они сами между собой договорились, как положено. Суравейкин с красной рожей выполз из своей колымаги («Жигули» шестой модели), выпятил грудь и стал громогласно информировать меня о том, кто он, а кто я. Я не растерялась, запомнила номер, ретировалась в квартиру, позвонила своему, он, в свою очередь, – кому-то там в ГАИ. Суравейкин выехал со двора как раз к встречающим его коллегам, правда, по пути успел врезаться еще и в мою любимую «Оку». Как из двадцати машин, стоявших у нашего дома, он выбрал принадлежавшую именно мне, остается до сих пор великой тайной.

Сергей вечером был злой как черт. Звонок Суравейкину отложил до следующего дня, чтобы тот успел протрезветь. Я все-таки опасалась, что у нас ничего не выйдет – в смысле, получить компенсацию за испорченные машины. Как-то я с

детства приучена не связываться с милицией. Но мой предыдущий не сомневался в успехе.

– Заплатит, – заверил меня Сергей, а потом мечтательно спросил: – Ты знаешь, на что человек может долго смотреть?

Я не знала. Я ни на что не могу. Предполагаю, что мужики могут на меня. Нет, не могут, им не сдержаться, штаны разрываются. А поэтому тянут в койку.

Оказалось, по мнению моего предыдущего, – что на воду, огонь и на то, как другой работает. Мечтой Сергея было заставить Степана Трофимовича заняться ремонтом лично прямо у нас под окнами, поскольку это доставило бы Сереже (откровенно говоря, и мне тоже) неслыханное удовольствие. Правда, когда на следующий день мой позвонил подполковнику и представился хозяином машин, в которые господин Суравейкин вчера врезался, тот, видимо, в свою очередь, наведя справки о соседе, тут же заявил, что ремонт будет произведен в кратчайшие сроки в его гараже. Что и было сделано. Догадываюсь, что не руками Степана Трофимовича. Потом мой с подполковником дружно напились у нас дома. Суравейкин не сводил с меня сального взгляда и после этого всегда здоровался. Правда, жена его меня возненавидела с первой нашей встречи. Но я ее прощаю: ее можно понять, если посмотреть вначале на нее, а потом на меня. Или наоборот. Да и вообще, бабы меня не любят.

Словом, я решила не обращаться к Суравейкину. Возможности его явно ниже волошинских (как и других партнеров Олега по карточной игре), наверное, он что-то и сделает для меня (чтобы хотя бы разок трахнуть), но полную защиту обеспечить не сможет. Требовалось думать дальше.

Оставались представители других органов. У меня имелся знакомый в ФСБ. Александру Петровичу было лет пятьдесят, видов он на меня никаких не имел (должно быть, вследствие девальвации ряда мужских достоинств – другого объяснения найти не могу), но относился хорошо. Можно сказать, по-отечески. Жил дядя Саша один, на два этажа выше меня по месту прописки, в такой же однокомнатной квартире.

Познакомились мы с ним в один из периодов моего проживания на Пулковском. Я возвращалась вечером с какой-то тусовки (одна, потому что и бизнесмены, и бандиты на тот момент осточертели) и увидела дядю Сашу, предпринимавшего

безуспешные попытки попасть ключом в дверь парадной (у нас и парадная запирается). Никитин внешне выглядел вполне прилично и нисколько не походил на ненавистный мне на тот момент типаж «спонсора». Я решила помочь человеку, которого при первой нашей встрече приняла за научного работника: открыла дверь парадной, дверь его квартиры, довела до кровати, стянула ботинки, развязала галстук.

Полковник Никитин позвонил на следующий вечер, поблагодарил. Когда я жила дома, мы регулярно общались, да и, заглядывая к себе в квартиру, я не забывала и его. Дядя Саша всегда очень подробно интересовался моими делами и знакомыми. Профессиональная привычка? В общем, можно сказать, отношения с ФСБ у меня складывались гораздо лучше, чем с МВД. Дружили домами. Так что для начала я решила обратиться за советом к дяде Саше. Почему бы ему не помочь мне? Кто его подкармливал горячей пищей? Кто развлекал разговорами в долгие зимние вечера? Может, он потом как-то использовал полученную информацию, звездочку очередную получил – я же не интересовалась. И, между прочим, я у него еще ничего никогда не просила. Просто оказывала посильную помощь. По-соседски. Потому что он хороший мужик, этот дядя Саша Никитин. Никогда не сказала бы, что кагэбэшник. Может, потому что не сидел в известном здании на Литейном, дом четыре (я имею в виду в кабинете), а вначале в загранку плавал, а затем каким-то там боком какой-то закрытый НИИ курировал? Поэтому я, наверное, и приняла его за научного работника при первой встрече – окружение наложило свой отпечаток. Баек он мне много рассказывал про свои похождения в молодые годы. Вот только жизнь у него не сложилась. Остался один на старости лет. Ну, не совсем, конечно, на старости – другие в его годы еще те рысаки... Заводят подружек вроде меня. Детей он не нарожал, а жена к какому-то старшему чину сбежала. Чего бы ему мной не заняться? Вернее, моим делом? По-соседски. Потом еще мне спасибо скажет, что развеяла рутину. Опять же я точно не знала, служит он сейчас, не служит...

Я решительно встала, подхватила рюкзачок и спортивную сумку, набитые самыми необходимыми вещами (как повезло, что сейчас лето, а не зима!), и отправилась пешком по лестнице. Может, пожить пока в квартире дяди Саши? Ну, послушаем, что он скажет. Только добудиться его надо, а то самый сон – четыре утра. А если он еще с подпития... Ой, господи!

Я звонила к дяде Саше минут десять. Бить кулаком или ногой в дверь не решилась. Ночь все-таки. Дядя Саша спал мертвым сном. Если вообще был дома, а не дежурил где-нибудь.

Я поняла, что дядю Сашу мне сегодня не разбудить, надо будет позвонить ему утром. Или днем. Договориться о встрече. Только я собралась уходить, как приоткрылась соседняя дверь и оттуда показался хмурый старушечий лик – бабка Катя, все про всех знающая, все видящая. Она, конечно, проснулась. Бабка Катя – одна из тех бабок, которые обладают просто поразительными для своего возраста (вернее, для любого возраста) слухом и зрением. Толк от нее, конечно, есть – если с ней дружить. У меня, правда, отношения с ней не сложились. Я для нее была шалава и потаскуха. А народ в нашей парадной ее ценил. Она имела подпольную кличку «народная мстительница».

– Чего звонишь к мужику среди ночи, бесстыжая? – прошипела баба Катя. – И людей будишь? Совсем стыд потеряли, шалавы. Я-то в твои годы...

Я не стала слушать, что баба Катя делала в мои годы. Насколько мне было известно, она работала на каком-то заводе, двое ее сыновей в свое время уехали на заработки в Сибирь, женились, да там и остались, а она проживала в одной из комнат трехкомнатной квартиры, где две другие занимала молодая семья с ребенком. Баба Катя выполняла там роль няньки, за что, по всей вероятности, получала прибавку к пенсии.

Я села в лифт и спустилась вниз, на первый этаж, постояла немного в раздумье и решила отправиться к брату. Его мне удастся разбудить. Андрей спиртное в рот не берет, так что в пьяном ступоре пребывать не должен. Да и от любовных утех уже не оторву – время не то.

Андрюша старше меня на три года. Занимается коммерцией. Ввозит сюда всякую дрянь по мелочи, но на жизнь ему хватает. На жизнь и на любовь. Последняя его любовь – молодой журналист из одной бульварной газетки. Вот уже второй месяц живут вместе и пока друг другу не надоели.

Узнав про Андрюшину нестандартную сексуальную ориентацию, я вначале была в шоке. Такой красивый парень и... Генофонд же пропадает! Он долго не знакомил меня со «своей девушкой», хотя я его об этом очень просила. А когда познакомил... Через некоторое время я переварила эту информацию и

поинтересовалась: как так получилось? Все оказалось очень просто – корни зла лежали в нашей совсем не образцово-показательной семье.

Папочка наш (на которого мы с Андреем внешне очень похожи) менял женщин как перчатки. Может, правильнее будет сказать – презервативы? Все-таки перчатки мужчины нашей эпохи меняют не так часто. Если вообще их носят. Мамочка сидела дома и злилась, но у всех своих подруг и знакомых пыталась создать иллюзию «крепкой» семьи. В результате она превратилась в злое, болезненное, пьющее существо с изломанной жизнью. Я, глядя на мамочку, пришла к выводу, что измены мужа, если женщина их терпит, разрушают ее саму, именно ее! Со временем такая женщина, которая копит в себе это зло, убеждая в первую очередь себя, а потом и всех окружающих, что делает это ради детей, становится никому не нужна или неинтересна – и мужу, и этим самым детям, ради которых приносилась жертва, или просто теряет себя. Порочный круг нужно вовремя разорвать, но это удастся немногим. У меня подобный пример был перед глазами.

Так вот, мамочка регулярно повторяла Андрюше, что все мужчины порочны и что у него порочная генетика, и вырастет он порочным и так же, как папочка, будет шлаться по... женщинам. Мамочка, конечно, употребляла гораздо более сочные выражения, в особенности когда прикладывалась к бутылке. А прикладывалась она с каждым годом все больше и больше. И увядала все быстрее и быстрее. А папочка выглядел лет на двадцать моложе ее и менять свой образ жизни не собирался. Если человеку все время повторять, что он козел, он может и заблестеть. У Андрюши все вышло более прозаично. Когда ему было четырнадцать лет, старшеклассник сделал ему грязное предложение... Андрюша согласился. Старшеклассника сменил физик – в смысле, учитель. Его потом посадили за соращение малолетних, только Андрюша в том процессе не участвовал – и без него жертв и свидетелей хватило. Мы тогда не знали, что и он тоже... того самого. И пошло-поехало. Он мне недавно признался, что ни разу не был с женщиной. Я, вообще-то, надеялась, что он и так, и этак, но, видно, не судьба. Но он – мой брат, и я его люблю любого, какой бы он ни был. Когда первый шок прошел и я все хорошо обдумала, я приняла случившееся и происходящее как факт. Такова жизнь. Се ля ви. Это все равно мой любимый Андрюша. Других братьев у меня нет и не будет. Как и сестер. Как других отца с матерью. Может, когда-нибудь муж и детки появятся, но это бабушка надвое сказала. Замуж, наверное, я пошла бы только за своего предыдущего, но этому сбыться уже не суждено... А Андрюша – родная кровь.

Наверное, стоит закончить с семьей. Расскажу уж все, как было. Пример папочки с мамочкой оказал на Андрюшу огромное влияние. Из-за кобелиной натуры папочки Андрюша не мог иметь отношений с женщинами, а из-за любви мамочки к бутылке не брал в рот спиртное (что, несомненно, являлось положительным моментом). Я унаследовала и внешность, и темперамент папочки. Что взяла от мамочки?.. М-м-м. Пока сказать трудно, но с зеленым змием стараюсь не очень дружить – генетика, знаете ли, вещь страшная... Вот только свой любимый коктейль – виски со сливками.

Все-таки надо рассказать о событиях, предшествовавших нашему переезду в новые квартиры из старой трехкомнатной... В общем, дело было так. У отца завелась новая пассия, и, как потом поняли мы с Андрюшей – из пьяных бредней мамочки, – он собрался уходить к ней. Мы выросли, долг свой родительский он выполнил, впрочем, как и супружеский. Сколько ж можно терпеть пьющую жену, скандалы, упреки и прочая, прочая... Он объявил о своих намерениях мамочке, но вещи собрать еще не успел. Ночью мамочка обнаружила в сумке отца бутылку дорогого вина, которое, как она решила, он собирался нести к своей пассии. Как мамочка удержалась, чтобы его не выпить, – не знаю. Видимо, ненависть и отчаяние пересилили это желание. Не знаю уж, зачем она держала в доме какой-то хитрый яд (может, давно запланировала акцию мести), но мамочка добавила изрядную дозу адской смеси в это самое вино, сделав прокол в пробке шприцем. Папа, как выяснилось, приготовил вино для встречи со своим партнером. Выпили они его на работе... Откачать не удалось ни того, ни другого.

Мать нам с Андрюшей через неделю после похорон отца поведала по пьяному делу о том, что это она отправила батю «к чертям котлы чистить». Очень она сожалела, что «ту стерву» не отравила. Показала бутылочку с остатками того, что влила в вино. «На рынке специально купила», – сообщила она. Интересно, на каких это рынках у нас такими ядами торгуют, чтобы человек за несколько минут копыта откидывал? Но, с другой стороны, в нашем прекрасном городе на Неве сейчас можно купить все, что душе и телу угодно, – были бы деньги. И только почти два года спустя я узнала, где она взяла яд на самом деле и при каких обстоятельствах...

Мы с Андрюшей были в шоке. В ярости. В... Я не могу описать свое состояние и то, что тогда чувствовала. Андрей хотел тут же сдать мать в милицию. Я удержала. Отца уже не вернешь, а мать... Все равно она человек конченный. Я предложила разменять квартиру. Все согласились. Вот так мы и разъехались. С тех пор мы с матерью не виделись. Ни она нам не звонила, ни мы ей. И желания

не было. А у нее... Она могла уже и не жить в той квартире, куда переехала, могла все время пребывать в своем прелестном мире грез, могла... ладно, хватит о ней.

В общем, вы поняли, какая у нас с Андрюшей генетика. И как эти самые гены еще могут у нас проявиться... У меня, в частности. Но, может, все обойдется? Ну, не буду загадывать наперед. Признаюсь, адский мамочкин растворчик я заныкала и теперь взяла с собой. В рюкзаке моем он лежал до поры до времени. Раз такие дела пошли – мало ли что, может, пригодится?

С рюкзаком и сумкой я вышла из парадной. Стояла предрассветная прохлада. На улице не было ни души. Одни уже спали, другие еще спали. До стоянки было минут семь ходьбы. У меня две машины. «Ока», про которую я уже рассказывала, и старенькая «БМВ» – подарок моего предыдущего. Я на ней училась водить. Сергей, когда дарил ее, сказал, чтобы не жалко было, если разобью.

– А меня тебе не жалко? – возмутилась я.

– А ты не разобьешься, – возразил он. – Ты из тех, кто в воде не тонет и в огне не горит.

В общем, он был прав. Остались целы и я, и машина. Я не афишировала, что она у меня есть. Пусть каждый новый друг дарит по машинке. Соберу себе автопарк. На черный день. «БМВ» скучала на стоянке у моего дома, дожидаясь своего часа. Пришлось разбудить сторожа, с которым я в свое время наладила хорошие отношения – что следует делать со всеми, кто тебе когда-нибудь может пригодиться. Сторож облизывался при виде меня, но деньги любил больше, чем женщин, так что мы друг друга понимали прекрасно.

Я сунула ему энную сумму за беспокойство, он пробурчал что-то невнятное и отправился спать дальше. Может, и не вспомнит, что меня видел.

Ехать до Ново-Измайловского с Пулковского шоссе совсем недалеко, тем более по ночному городу. Это с утра могут быть пробки, а так я без всяких приключений добралась до братца минут за семь. Я припарковала машину у соседней девятиэтажки – на всякий случай, если кто-то будет ее искать у подъезда моего брата, – и пешком отправилась по нужному адресу.

Черт побери! Я опять забыла код. Ну зачем они его поставили? На соседней парадной нет, и ничего – живут люди и не беспокоятся. А эти коз... Не будем говорить плохо о брате и его друзьях.

Я достала фонарик из рюкзака и осветила кнопки замка. Несмотря на белые питерские ночи, иногда все равно бывает темно, в особенности если небо закрыто тучами (как было в те минуты) или если ты находишься в заросшем зеленом дворе. Я сразу же нашла три наиболее затертые кнопки и одновременно нажала на них. Дверь открылась.

Теперь тащиться на пятый этаж. Без лифта. Небось сам Никита Сергеевич в таких домах не жил. А о чем думал, когда... Ладно, о мертвых или хорошо, или ничего.

Итак, я у цели. Звоним. Еще раз. Еще. Так, кто-то зашевелился. Голоса. Три голоса? Почему три?

– Кто там? – спросил мой брат.

– Это я, Наташа. Открывай.

Меня встретили трое заспанных молодых мужчин (у них тут что, групповуха?). Одного из них я видела впервые, и он мне показался очень даже ничего. Может, мне все-таки повезет?

Глава 4

Я обвела глазами встречавшую меня троицу, переступила через порог, бросила рюкзак с сумкой у двери и, с трудом разворачиваясь в некое подобии прихожей (мне сложно дать точное название этому закутку, находящемуся за входной дверью однокомнатной «хрущобы»), сняла куртку и повесила ее на крючок.

– Простите, мы сейчас оденемся, – наконец «родил» неизвестный мне молодой мужчина. В его голосе слышался легкий акцент, вот только я не могла определить, какой. Финн? Прибалт? Внешне очень похож.

Я благосклонно кивнула. Он был в плавках, так что я с большим удовольствием оглядела его весьма неплохой торс, покрытый светлым волосом. Хотелось облизнуться, как коту перед блюдцем со сметаной, – вот только я не знала, достанется мне это лакомство или нет и есть ли смысл на него набрасываться: сметана могла оказаться совсем не в моем вкусе...

Андрюша со своим журналистом, обернутые полотенцами, как набедренными повязками, тоже быстро удалились в комнату, чтобы привести себя в божеский вид.

– Эй! – крикнула я, чуть-чуть очухавшись. – Вы можете продолжать спать. Я бы перекинулась парой слов с Андрюшей, а потом...

Я поняла, что страшно хочу спать. Я же сегодня не ложилась. Возбуждение и опасность помогали мне держаться (вернее, я даже не помышляла о сне), а вот теперь, оказавшись в тихой гавани у родного братца, почувствовала, что и мне неплохо бы прилечь на часок-другой. Если уж быть полностью откровенной, я предпочитала спать часиков по девять-десять, но тут, как говорится, не до жиру...

В самом скором времени приодевшаяся троица появилась на кухне. Я уже успела поставить чайник и достать чашки. Андрюша разместился на коленях у своего милого Сережи, незнакомец сел напротив них, с третьей стороны примостилась я.

– Представь нас, что ли, – сказала я братцу.

– Марис Шулманис. Журналист из Риги.

– Наташа Перепелкина. Модель из Петербурга, – сказала я, протягивая руку.

Марис крепко пожал ее, пробурчав, что ему «очень приятно». Не уверена, что ему было очень приятно быть разбуженным среди ночи какой-то незнакомой девицей. И еще неизвестно, как он вообще относится к женщинам.

– Это моя сестра, – быстро добавил Андрей.

– Я понял, – кивнул Марис. – И у вас, наверное, что-то случилось. – Это было уже прямое обращение ко мне.

– Тебя что, твой выгнал? – с беспокойством поинтересовался братец. – Или поругались, и ты собрала вещи?

Ну, такие версии мог выдвигать только Андрюша. Будто забыл, что у меня тоже имеется квартира, куда я могла спокойно поехать, собрав эти самые вещи. И меня, между прочим, еще не выгонял ни один мужик. Двоих отстрелили, одного посадили, от остальных я сама делала ноги, найдя лучший вариант. Но проиграли меня в первый раз. Надеюсь, и в последний.

– Все гораздо сложнее, правда, Наташа? – это уже Марис. – Ведь у вас же есть своя квартира. Мне, кстати, вчера про нее рассказывали.

Так-так, соображаем лучше других, даже спросонья.

– Ой да, – перебил его Андрюша. – Я хотел тебя попросить... нельзя ли Марису пока пожить у тебя? Но если ты теперь сама...

Все вопросительно смотрели на меня, ожидая объяснений. А Марис-то нюхастый. Настоящий журналист. Сразу усек, что дело пахнет керосином. Правда, Серега – тоже журналист, но он про современную музыку опусы ваяет. А если мальчишки хотели, чтобы Марис поехал ко мне, значит... есть надежда.

– Марис, ты можешь пожить у меня, – благосклонно согласилась я, переходя на «ты». – Но тут имеется одна загвоздка...

– У тебя ведь есть раскладушка? – опять перебил Андрюша. – Положишь Мариса на кухне. Или...

– Дело не в этом, – сказала я. – Я могу положить его и в комнате. Но не уверена, что ему стоит появляться в моей квартире. Что вообще кому-то стоит там появляться.

– Ты во что-то вляпалась? – дошло до дорогого братца. – Наташа, я тебя предупреждал, что с твоими мужчинами... с этими твоими спонсорами и

папиками... Я тебе сколько раз говорил, что эта твоя жизнь до добра не доведет?!

– Чья бы корова мычала, – заметила я совершенно спокойно. – Послушать тебя, так можно подумать, что тебе шестьдесят лет, а не двадцать пять. И вообще, хватит меня воспитывать. Я – человек конченный.

– Какая самокритичность! – рассмеялся Марис. – Но, Наташа, у тебя ведь, определенно, что-то случилось? Иначе ты не оказалась бы сейчас здесь, с нами? Правда?

Журналистское любопытство? Статью написать про меня хочет? «Латышский журналист помогает известной русской модели», или «Журналист оказывается втянутым в темные дела сестры своего друга», или просто «Латышский журналист и русская модель – дружба и взаимопомощь между народами». Ладно, не будем забивать голову.

– Мне нужно лечь на дно, – без вступлений заявила я. – А тем временем кое-что выяснить. Я, вообще-то, рассчитывала на Сережу как на журналиста, но раз среди нас четверых двое оказались представителями этой славной профессии... – Я многозначительно замолчала.

Марис засмеялся. Андрюша с Сережей кисло улыбнулись.

– Ты хочешь пожить здесь? – уточнил Андрюша. В его голосе не было энтузиазма. Лицо тоже не изображало особой радости.

– Предпочла бы в другом месте. И точно – не у себя дома.

– Может, ты все-таки поведаешь нам, что случилось, очаровательная Наташа? – предложил Марис.

Порядок, я уже очаровательная. Вообще-то, так оно и есть, но подтверждение всегда приятно слышать.

Я поведала. Марис присвистнул. Сережа слушал, открыв рот. Андрюша опять заметил, что он давно предполагал, что случится что-то подобное.

- Вышла бы замуж и жила как все нормальные люди, - сказал братец.

- Наверное, самый простой вариант - снять нам с Наташей квартиру, - заявил Марис. - Это будет временная база. Выясним, что сможем, а там будем решать. Ребята, вы в состоянии за сегодняшний день найти нам хату?

Сереза с Андрюшей переглянулись.

- Ты же вроде бы говорил, что твой бывший сдает... - промямлил Андрюша, глядя на Серезу.

Тот кивнул.

- Скажешь, что для молодой пары. - Марис подмигнул мне. Это мне очень понравилось.

- Звони, - сказала я.

- Ты на часы-то хоть смотрела? - произнес братец.

Я взглянула и поняла, что в такое время никто не договаривается о найме жилого помещения. Желательно было бы подождать, по крайней мере, часа три, когда нормальные люди обговаривают дела.

- Короче, вам задание, ребята, - тем временем говорил Марис, обращаясь к двум влюбленным. Он взял инициативу в свои руки, а мне такие мужчины всегда нравились. - Сегодня же найти нам с Наташей квартиру.

- Я заплачу половину, - сказала я. На всякий случай надо было показать себя независимой.

Марис кивнул, не отказываясь от предложения. Возможно, с деньгами у него был не такой уж полный порядок.

- Марис, а зачем ты приехал в Питер? - решила спросить я.

Марису было года тридцать два, как и любовнику братца. Как и моему предыдущему, когда он получил девять граммов свинца, вернее, восемнадцать, в голову. Мне Марис нравился с каждой минутой все больше и больше, но следовало выяснить, кто он и с чем его едят, а то еще влипну во что-нибудь новенькое. Я имею такую склонность.

– У него пропала девушка, – вместо него ответил Андрюша.

Терпеть не могу эту черту своего брата – вечно не вовремя вставляет реплики. Можно подумать, Марис сам не мог это сказать. Или сейчас братец опять начнет какое-нибудь поучительное выступление... Но Марис тут же перехватил инициативу.

– Да, Наташа, – кивнул он. – Моя девушка, тоже журналистка, уехала сюда в командировку больше месяца назад. И пропала. Позавчера к нам на факс сбросили листок... Я сейчас тебе покажу. – Он не уточнил, что означает «к нам».

Марис встал, удалился в комнату и вскоре вернулся. Он протянул мне лист, на котором от руки было наспех написано несколько фраз по-латышски. Вернее, я догадалась, что это по-латышски: на каком бы еще языке стала изъясняться девушка Мариса, отправляя ему послание в Ригу? Писали явно второпях.

– Здесь сообщается, что ее держат в каком-то загородном доме под Петербургом. Вооруженная охрана, забор. Она не знает, где. Там еще несколько девушек.

– Ее взяли в заложницы? – спросила я.

– Нет, – покачал головой Марис. – Ее взяли в гарем.

Андрюша с Сережей молчали: они уже слышали эту историю. Марис продолжал:

– Я тут же сказал главреду, что поеду в Питер. Искать Руту и одновременно делать репортажи. Я, вообще-то, криминальный репортер. Так что дело по моей специализации. Но главное для меня – найти Руту. Я не хочу останавливаться в гостинице, чтобы не привлекать к себе внимания. Созвонился с Сергеем Липониным, – он кивнул на него, – мы вместе учились на журфаке у вас в

Петербурге. Насилу его нашел.

Сергея улыбнулся и добавил:

– Марису пришлось посидеть на телефоне. Мои родители не знают, где я живу. И, в общем, мы не особо общаемся... А я теперь работаю в новом месте. Перешел после того, как мы с Марисом виделись в последний раз. Но Марис – настоящий журналист. Он меня разыскал.

Так, появилась какая-то Рута. Но где она, что с ней – еще неизвестно. Нет, кое-что известно, но факт тот, что Руты сейчас нет, а я есть. И мы будем снимать одну квартиру, как молодая пара. Настроение у меня поднималось с каждой минутой. Мне давно хотелось молодого любовника, а попадались по большей части папики. Самое приятное исключение – мой предыдущий. А тут – такой парень и еще готов мне помочь... Только вот как именно он мне поможет?

Казалось, что Марис прочитал мои мысли, потому что сказал:

– Я предлагаю следующее, Наташа: мы объединим усилия. Будем думать, как тебе скрыться от... – Он явно не мог подобрать нужное выражение.

– Нового хозяина, – вставила я.

– Пусть будет – нового хозяина. И устроить свою жизнь. А мне – как найти Руту и с нею вернуться в Ригу.

– Наташ, а может, тебе в Ригу на время поехать, а? – подал голос братец. – Марис, твои ребята ее там примут?

– Конечно, – кивнул Шульманис. – У тебя есть загранпаспорт?

– С собой, – ответила я. – Но я немного подожду. Я должна выяснить ситуацию. Может, все удастся уладить здесь. Но если придется делать ноги – с радостью воспользуюсь этим предложением. Кстати, а модельные агентства у вас там есть? – Я посмотрела на Мариса.

– Наташа, с твоей внешностью ты без работы не останешься, – сказал латыш. – И без мужчины тоже... который возьмет на себя все твои проблемы.

Ах, как мы сладко умеем петь! Но очень мило, что у меня появился запасной путь. Ведь из Риги можно махнуть в Таллин, или в Хельсинки, или в Стокгольм... Там видно будет.

– Марис, а визу к вам долго делают? – поинтересовалась я.

– У меня есть знакомые в консульстве. Не волнуйся. Кстати, дай мне паспорт, я сегодня заскочу, все сделаю, чтобы уже не волноваться из-за этого.

Я отдала ему паспорт и фотографии, которые у меня тоже всегда с собой.

Шулманис пообещал, что виза будет у меня сегодня вечером, а пока надо решить, где мне перекаптоваться днем.

– Пусть сегодня останется здесь, – сказал братец. – Не уверен, что кто-то сюда за ней поедет. Может, вообще все ерунда. Наташка склонна к преувеличениям.

– Проверка никогда не бывает лишней, – заметил Шулманис. – Выяснит все, а потом – как знать? – вернется к своему Олегу Николаевичу. Так его, я не ошибся?

Я кивнула.

– Может, мне интервью у него взять для своей газеты? – вдруг спросил Марис. – Ты в курсе, чем он вообще занимается?

Я была в курсе – сигаретами, если только не ринулся в нефтепродукты в надежде получить сверхприбыль. Денег ему мало! Но захочет ли Волошин разговаривать о своих делах с латышским журналистом? Даже о сигаретах?

– Это мои проблемы, – заявил Марис. – Я подумаю, как к нему подступиться. Вечером расскажешь мне все про него подробно. И я рассчитываю на твою помощь в моем деле, Наташа. Мне нужна будет помощница женщина.

Я кивнула. Больше Марис ничего не сказал, но у него уже явно был какой-то план. Ну что ж, отчего не помочь хорошему человеку?

Совещание на кухне закончилось. Я пошла в комнату спать, а мужчины отправились на работу – и по нашим общим делам.

Глава 5

Вечером мы с Марисом уже обустроивались на новой квартире, расположенной на углу Московского проспекта и Благодатной улицы. Оба окна (комнаты и кухни) выходили на Благодатную, на трамвайные пути. Не в кайф, конечно. Забегая вперед, скажу, что вскоре я уже не обращала внимания ни на какие трамваи: привыкла. Солнце полдня заливало квартиру, было нестерпимо жарко. Жалюзи, естественно, не было, но, слава богу, хоть мебель, черно-белый телевизор, старенький «Морозко» и минимум посуды имелись. Оглядевшись, я поняла, что на следующий день мне будет чем себя занять: предстояло сделать уборку, жить в хлеву я просто не могу. Марис, казалось, на грязь не обратил никакого внимания. Наверное, работая криминальным репортером (да вообще каким бы то ни было репортером), ему приходилось жить и в гораздо менее комфортных условиях. Но не мне. Только не мне. Я очень люблю комфорт. Как и себя. Представьте молодую грациозную тигрицу, нежащуюся под жарким индийском солнышком... Но обязательно неподалеку от чистейшего водоема, над которым нависают деревья с крупными листьями, готовые в любую минуту предоставить тень... Голубое небо над головой, девственная природа... Тигрица наслаждается солнышком, потом плещется в водичке, потом опять лежит на солнышке, а вечером из-за нее устраивают драку все бенгальские тигры... Представили? Ну вот такая тигрица – это я. Именно так меня представлял мой предыдущий. Я как-то ему позвонила – соскучилась – и поинтересовалась, какой он меня в тот момент видел. Оказалось – вот такой.

Кровать в комнате была только одна. Вернее, раскладывающийся диван. Меня это вполне устраивало. Марис для приличия предложил спать на полу, но я его заверила, что сбежала не из института благородных девиц, и он тут же перестал ломаться. Но это я забегая вперед. Вначале мы провели несколько часов за обсуждением сделанного за день и дальнейших планов.

Марис – молодец: появился с полной сумкой продуктов. Жаль, не было микроволновки, пришлось воспользоваться обычной плитой. Но готовлю я классно. Во-первых, люблю, во-вторых, никогда не забываю старую добрую истину о том, где пролегает путь к сердцу мужчины, в-третьих, сама обожаю вкусно поесть, ну а в-четвертых, если уж за что-то берешься, надо это делать хорошо. Неважно что. В общем, все, к чему решаешь приложить руку. Шульманис оценил мои кулинарные изыски. Приятно, когда твои старания не проходят незамеченными. Волошин-то все принимал как должное, а вот мой предыдущий часто меня хвалил. И хвалил, и ценил.

Единственное, чего мне не хватало за трапезой, так это моего любимого коктейля. Но откуда Марис мог знать про мой весьма специфический вкус, чтобы купить одновременно и виски, и сливки? Простим его.

Марис вручил мне паспорт с визой. Люблю мужчин, которые делают то, что обещают. В моих глазах Шульманис уже за один день успел набрать немало очков в свою пользу. Может, мне вообще давно следует обратить свои взоры на Прибалтику или Скандинавию и перестать специализироваться на отечественном продукте? Даже если все быстренько утрясется? Буду точно так же сниматься в рекламах – вместо шведок, финок и эстонок. Я же все-таки натуральная блондинка, сойду за их местную? Ладно, не буду загадывать далеко вперед.

Шульманис, конечно, в первую очередь занимался своими проблемами – искал Руту. Правда, пока он ее не нашел, но уже знал местонахождение аппарата, с которого в Ригу передали послание. Может, даже сделал это в Латвии? Я не разбираюсь в таких тонкостях – зачем?

Как вы думаете, где стоял этот факс? На металлопрокатном заводе! Марис приехал на завод, проник внутрь – для чего даже не потребовалось его журналистское удостоверение, потому что там ходили все, кому не лень, поболтался по территории, вешая лапшу на уши аборигенам, а потом даже добрался до начальника по сбыту ликеро-водочной продукции (там и такой цех оказался – вот рабочие-то, наверное, рады) и прощупал почву на предмет сотрудничества – нельзя ли на том же заводе разливать рижский бальзам? Оказалось, что можно. Если не на заводе, то в подвале. Не завода, а... других мест. Так сказать, в заводских филиалах, которых, как намекнули Марису, в городе немало. «Хорошие филиалы у металлопрокатного производства», – подумала я.

Два заводских цеха в самом деле использовались по назначению (соответствующему названию завода). «Алкоголики» свой цех арендовали. Шулманис не сомневался, что с выпускаемой в нем продукцией – все о'кей. Хотя бы один «чистый» разливной цех иметь надо, не правда ли? Другие заводские площади были сданы в аренду. Например, самый крупный корпус представлял собой огромную оптовую базу, где отоваривались ларечники и палаточники. Еще в одном лили художественную бронзу. Марис оценил изготавливаемые пепельницы, подсвечники и прочее, даже заметил, что купил бы что-то для подарков. Имелись еще кое-какие мелкие производства. В общем, бывший крупный завод функционировал, как ему и положено в настоящее время, – старое руководство сдало все, что можно, тем, кто нуждался в площадях, и жило на получаемые за аренду деньги. О бывших работягах никто не думал. Они вначале повозмущались-повозмущались, а потом стали пристраиваться на новые места. Самыми везунчиками считались те, кто попал в ликеро-водочный цех. Так сказать, получал зарплату прямо на месте. Работники других производств всегда были рады подхалтурить (в особенности еще оставшиеся «при металле»). Как сообщили Марису, «алкоголики» иногда просили бывших коллег поработать на погрузке-разгрузке (необязательно на территории завода). Выстраивалась очередь желающих – тем более все знали, что расплатятся, так сказать, не отходя от кассы. Хочешь – товаром, хочешь – наличкой. Поэтому хозяина ликеро-водочного производства очень любили и уважали. Называли его человеком серьезным.

Серьезным человеком оказался господин по фамилии Чкадуа. И даже с отчеством Георгиевич. Но не Вахтанг, а Зураб. Один из цехов, из которого продавались оптом сигареты, арендовал мой милый друг Олег Николаевич Волошин. Имя директора завода я слышала впервые.

Очень-очень интересно. Значит, производим грузинские вина питерского разлива? Я знала, что Вахтанг поставляет спиртное и сигареты в Европу, но, оказывается, он имеет свой розлив и в Питере? Или у него только местный розлив и есть? И товар из Питера движется на Запад?

Но чем могла заниматься на металлопрокатном заводе подруга Мариса? И почему она не сделала оттуда ноги, если смогла послать факс? Как сказал Марис, там, несомненно, хватает укромных уголков, где можно спрятаться, а никакой общезаводской охраны и в помине нет, только старичок на входе. Ряд производств имеет свою охрану (ликеро-водочный цех, например), но их интересуется только свой товар. У Мариса возникли те же вопросы.

– А ты выяснил, где стоит факс, с которого пришло письмо? – уточнила я.

– У секретарши директора.

– Которого?

– Всего завода. Ну, в смысле, изначального завода, который работал с металлом.

– Ты спрашивал у нее про... – Уже заговорив, я поняла, что несу чушь. Конечно, он спрашивал.

– Там бывают все, кому не лень, – сообщил Марис. – Руту она не видела. Я показывал фотографию.

Я изучила фотографию Руты и поняла, что я во вкусе Мариса. Заниматься дальнейшими поисками Руты мне совсем не хотелось. В общем-то, Марис нашел меня, почему бы ему не забрать мою скромную особу с собой в Латвию и... Это я размечталась.

– Как все-таки она там оказалась? – думал вслух Марис.

– Может, она попросила кого-то отправить тебе это послание?

– Тогда почему этот кто-то не дал ее адреса? Хоть каких-то координат?

– А это ее почерк? – спросила я.

Марис кивнул и заметил, что в Питере не так много людей, знающих латышский. Я согласилась.

То есть мы имели зов Руты о помощи, посланный по факсу с завода, где площадь арендуют, в частности, мой дорогой (бывший дорогой) Олег Николаевич и, по всей вероятности, брат Вахташи. Как Рута могла оказаться на этом заводе, причем в приемной директора? Если ее где-то держат, почему оставили наедине с факсом? Да еще в помещении, откуда сбежать – не фиг делать, как утверждает Марис? И, судя по ее сообщению, она находится в гареме.

Волошин на хозяина гарема никак не тянул – его на одну меня не очень-то хватало. А вот Вахташа с братом... Люди восточные, горячие. Правда, я их в деле не проверяла, но подозревала наличие у них недюжинной мужской силы.

У Мариса тем временем мысль работала примерно в том же направлении, но с загибом в другую сторону.

– Если тебя выиграл этот Вахтанг, – говорил Шулманис, – то, возможно, он планировал забрать тебя в свой гарем, где находится и Рута. Как ты смотришь на то, чтобы все-таки туда отправиться, осмотреться на месте, успокоить Руту, других девчонок, если они там есть, а я потом вас всех...

Я прервала речь Мариса, поняв, к чему он клонит, и твердо заявила, что ни в какой гарем не пойду. А если он не вытащит? А если мы все канем в Лету? А если... Я не верила ни в «маячки», ни в «медальончики», продемонстрированные Шулманисом, которые обязательно должны указать, куда меня привезут, где я буду находиться и так далее и тому подобное. Меня не интересовали возможности Мариса и его многочисленных приятелей из спецслужб, журналистских кругов и частных детективных агентств, снабдивших его всем необходимым и заверивших в безотказной работе ононого инвентаря.

– Я понимаю, что Рута для тебя дороже всего, – заявила я. – Но рисковать собой ради нее я лично не намерена. А потом, где гарантия, что меня выиграл в карты владелец гарема? И почему ты считаешь, что эти две истории вообще взаимосвязаны? Потому что мы с тобой познакомились? Потому что брат одного из потенциальных победителей арендует цех на том же заводе, с которого Рута послала тебе факс? Что – раз грузин, значит, владелец гарема? Да и вообще, все это еще может оказаться хохмой. Какой гарем? Двадцать первый век. Петербург. Россия.

– А почему тогда ты так быстро собрала прошлой ночью вещишки и сделала ноги? – спросил Шулманис.

– Я не из гарема сбегала, – огрызнулась я, – а от нового хозяина. Я не хочу, чтобы мною распоряжались, как вещью. Если я соглашаюсь временно принадлежать какому-то мужчине, то делаю это добровольно. Я, например, согласилась переехать к Волошину, потому что из претендентов на тот момент он меня устраивал больше всего. А девочке в моем положении обязательно нужен дядя-

спонсор. Иначе какая же я модель?

Марис усмехнулся.

– Кстати, твой сотовый в Питере работает? – продолжала я. Мне надо было позвонить Павлу, волошинскому шоферу, чтобы узнать, не выяснил ли он что-нибудь. А квартирный телефон засвечивать не хотелось: вдруг определят, с какого номера звонили.

Марис протянул мне трубку.

Меня выиграл Геннадий Павлович Дубовицкий. И меня искали целый день, вернее, вторую половину дня – с тех пор, как Олег Николаевич соизволили проснуться и сообразить, что птички в клетке больше нет. Пока искали только люди Волошина, для которого было делом чести отдать карточный долг. Тем более проиграл он меня при свидетелях. Павел опять настоятельно порекомендовал мне сматываться куда-нибудь подальше и больше не звонить.

Я заявила Марису, что никакой связи между мной и Рутой нет, если бы я еще досталась Вахташе – другое дело...

Далее. Если Волошин не сумеет представить меня в самое ближайшее время, Дубовицкий ему этого не простит. Судьба Волошина меня мало волновала – так ему и надо, но своя волновала, и даже очень. Мне совсем не хотелось, чтобы за мои поиски взялись еще и люди Дубовицкого, а поэтому желание отправиться в Латвию разгорелось с новой силой, о чем я и поведала Марису.

Это не вызвало у него энтузиазма – ему требовалось мое, хотя бы временное, присутствие в Питере. Он заявил, что уедет только с Рутой, а значит, я должна помочь ему ее найти. Уедем втроем. Откровенно говоря, я не любитель ни шведских, ни русских троек, но что ж, ради собственного спасения...

И тут я снова вспомнила про дядю Сашу. Известие о знакомом сотруднике ФСБ или чего-то там подобного было встречено Марисом с большим энтузиазмом.

Дядя Саша на этот раз был дома. Он был трезв и сообщил, что какие-то молодые люди спортивного вида с очень короткими стрижками сегодня долго звонили в

мою квартиру. Баба Катя заявила им, что я там не живу и квартира стоит пустая. Она что, не узнала меня вчера ночью? Мне казалось, что узнала.

Дядя Саша сказал, что готов хоть сейчас выйти к площади Победы, если мы его там подхватим, при условии, что я накормлю его горячим ужином.

Мы с Марисом тут же собрались ехать за Александром Петровичем. По пути остановились в магазине «24 часа» и купили бутылку виски (для дяди Саши, Мариса и меня) и пакет сливок «Валио» (только для меня). За стаканчиком всегда лучше говорится.

Глава 6

Дядя Саша рассказал, что с утра пораньше к нему заявила соседка баба Катя и сообщила, что среди ночи в его квартиру ломилась некая юная особа. Дядя Саша в прошлую ночь дежурил (в смысле, работал), по всей вероятности, после моего визита на свое дежурство заступила и баба Катя: ждать возвращения соседа с ночной смены, чтобы тут же сообщить ему новость (ну а затем, наверное, и всему подъезду, если не дому и не двору).

Подумать только: меня она все-таки не признала. Правда, в последнее время я появлялась по месту прописки не чаще, чем раз в неделю, и не всегда с ней сталкивалась, да и видела она меня обычно в чем-нибудь сексуальненьком, ну или в норковой шубке, на худой конец (в зимнее время), на которую баба Катя со своей пенсией могла бы накопить лет за семь (при условии, что ничего не ела бы и не пила). Мне же эту шубку подарил мой предыдущий после двух недель знакомства. Значит, было за что. М-да, щедрый был мужик.

Мы славненько посидели втроем на кухне снятой квартиры. Дядя Саша внимательно выслушал нас обоих и заявил:

– Я понимаю, чего добивается наш гость из свободной Латвии. – Поклон в сторону Шулманиса. – А вот чего хочешь ты, моя радость? – Полковник Никитин внимательно посмотрел на меня.

– Свободы, – выпалила я. – Личной. Возможности самой выбирать, с кем мне жить. Чтобы этот козел Дубовицкий даже не думал на меня претендовать. Чтобы меня никто не трогал. Чтобы...

Марис расхохотался и долго не мог успокоиться. Дядя Саша снова взглянул на меня и заметил:

– Я не усек, в чем проблема. Ты узнала, что тебя один мудака – прости за выражение, но иначе не могу назвать – выиграл в карты у другого. Ты что, вещь какая-то? Тебя кто-то продавал Волошину? В конце-то концов, мы не на Арабском Востоке живем и даже не в наших бывших братских среднеазиатских республиках, а в одном из центров мировой культуры... Тьфу, потянуло на речи! Бывает иногда, в особенности после того, как приму на грудь, – пояснил дядя Саша Марису и снова повернулся ко мне: – Каким же образом эти два пиз... то есть бизнесмена, могут тебя заставить переехать от одного к другому, если ты этого не хочешь?

– Могут, – вздохнула я. – Я – модель. У меня должен быть за спиной какой-нибудь папик. Иначе – конец моей карьере. Манекенщиц много и еще больше желающих прорваться в наши ряды. Я не хочу терять эту работу. Ну нравится она мне! Мы не на Западе. У нас все не так, как у них. У нас свои законы, которых следует придерживаться, иначе – финита ля комедия.

– Бросай ты к чертовой матери это свое модельство, или как там оно называется, – заметил дядя Саша. – Понравится что-то еще. Займись...

Никитин замолчал.

– Чем, например? – посмотрела на него я. – Я ничего не умею делать. Учиться – не училась. И, честно говоря, желания особого не испытываю. Да и не поднять мне теперь это все. Куда я могу пойти работать?

– Секретарем-референтом, – вставил Марис. – Прекрасная работа для модели.

Шулманис явно смеялся, но в чем-то он был прав. Девочкой для украшения офиса я вполне могла устроиться, да и любой начальник передо мной не устоит, но... Рано вставать, сидеть весь день в офисе, пусть даже и ничего не делать... Я привыкла высыпаться, ходить по интересующим меня магазинам, салонам

красоты, фитнес-центрам и прочая, причем в удобное для меня время. А на подиуме и перед камерой я чувствовала себя актрисой. Я любила это! Да, бывало очень тяжело стоять по несколько часов подряд, но в радость! Нет, работа в офисе была не для меня.

- Тебе, конечно, лучше бы быстренько выйти замуж... - протянул дядя Саша.

Легко сказать: выйти. Надо бы еще найти, за кого. Да и все мои папики брали только в любовницы, но не в жены. Я и сама ни за кого из них не пошла бы. Ну, может, только за моего предыдущего... И он-то по возрасту на папулю не тянул. Но это я сейчас так думаю, а пока он жив был, мыслей у меня таких не появлялось - в смысле, о замужестве. Все познается в сравнении.

- Наташа, - заговорил Марис, - когда я поеду в Латвию, ты отправишься со мной. Мы, кажется, уже обсуждали это у твоего брата, и ты согласилась. Поедем вместе с Рутей, я надеюсь. (Я лично надеялась, что Руты с нами не будет, но зачем лишать человека его надежд?) У меня много связей и в Риге, и в Стокгольме, и в Копенгагене, и в Хельсинки. Я поговорю с корреспондентами. Будет тебе модельная работа. Но не здесь. Такой вариант тебя устраивает?

Я кивнула. Решил взять меня в любовницы? Я, в общем, не против.

- Поработаешь за бугром, время пройдет, может, и тут все устаканится - раньше или позже, - добавил дядя Саша. - Мне будешь позванивать, я тебя стану информировать. Может, кто из этих двоих картежников за годик-другой отправится в мир иной?

Я снова кивнула. В общем, такое решение моего вопроса меня устраивало. Опять же не исключено, замуж за какого-нибудь скандинава выйду. Или за прибалта. Главное сейчас - смыться из Питера.

- А вот что тебе, Марис, посоветовать... - Дядя Саша теперь смотрел на Шулманиса. - На заводик на тот надо бы наведаться... Осмотреться...

- Мы можем завтра проехать днем, если вы свободны, - предложил Марис.

– Да кто же днем даст нам там осмотреться?! – удивленно воскликнул Никитин и взглянул на Шулманиса, как на ничего не соображающего младенца. – Вот сейчас – самое время.

Марис открыл рот, потом закрыл, затем сказал что-то типа «э... ну... э...» и согласился. А что ему еще оставалось делать? Человек, причем полковник ФСБ или чего-то там еще подобного, предлагает реальную помощь.

– То есть вы считаете, что мы должны прямо сейчас...

– Конечно. Вон Наталья почти не употребляла, в основном сливки пила, может за руль сесть. Менты знают, что бабы за рулем обычно всегда трезвые ездят, это мы, мужики, можем себе позволить. Если увидят, что баба двух мужиков везет – нас с тобой, Марис, – навряд ли остановят, ну а если остановят... Что ж, придется представиться младшим братьям.

Марис кивнул.

Дядя Саша тем временем попросил описать подступы к заводу и все, что Марис успел там увидеть. Выслушав Шулманиса, Никитин заявил, что придется заехать к нему домой: за кое-каким оборудованием.

– У меня много интересных штучек с собой, – признался Марис. – Друзья есть во всяких конторах, снабжают новейшими достижениями техники...

Дядя Саша попросил Мариса показать, что у того припасено, одобрительно кивал, рассматривая орудия труда криминального журналиста, но заметил, что кое-чего важного все-таки нет.

– А что надо? – подала голос я.

– Ну, альпинистское снаряжение, например. Не все, конечно... Крюк, веревку... Не забывайте, друзья мои, ночь: ворота могут быть закрыты, да и не надо нам через ворота. Я предпочел бы с заднего хода, так сказать.

– Должен, наверное, быть какой-нибудь лаз, – заявила я. – Народная тропа. Раз там разливают огненную воду...

Дядя Саша кивнул, заметив, что я высказала очень мудрое замечание. Народная тропа должна быть обязательно, но совсем необязательно, что мы ее сейчас найдем: мы отправимся туда, когда время прохождения каравана уже закончится. И нам не нужны свидетели. А поэтому понадобятся средства для переброски отряда через препятствие.

- А если просто друг другу на спинку, и...

- Нет, - твердо заявил дядя Саша. - И еще неизвестно, куда нам придется подниматься. Едем ко мне.

Я села за руль своей старенькой «бээмвэшки», мы опять доехали до площади Победы, высадили дядю Сашу, договорились, что через полчаса машина снова будет на том же месте.

- Давай встанем где-нибудь на тихой улочке, - предложил Марис.

- Я бы к братцу-кролику заскочила на пяток минут...

Марис посмотрел на часы и заметил, что уже не время ходить в гости, и если мой родственник с другом еще не спят, то явно заняты тем делом, при котором присутствие третьей стороны, даже в виде родной сестры, не очень желательно. Я кивнула, соглашаясь, и поехала к центру города.

Мы поколесили по улицам, пока не пришло время поворачивать назад, чтобы вовремя успеть к встрече с дядей Сашей. Он уже стоял в условленном месте с сумкой на плече.

* * *

К заводу мы прибыли в половине третьего ночи. Что, теперь я работаю только по ночам, а днем сплю? Ну, я, вообще-то, «сова», для меня это не проблема, да и привычна я к ночному бдению. Днем выплусь.

Дядя Саша велел оставить машину в некотором отдалении. У него была мысль оставить в ней и меня, но я возмутилась и заявила, что тоже хочу участвовать в деле - из чисто спортивного интереса. Марис также заметил, что девушке одной

среди ночи небезопасно сидеть в машине, тем более в таком глухом месте. Это решило дело. Машину я заперла, и мы отправились к довольно внушительной ограде.

Перед нею шел ряд тополей, не доходивших до верха бетонной преграды. Никитин пошел у самой бетонной стены, между нею и тополями. Мы с Марисом следовали за ним цепочкой.

- Тсс! - внезапно приложил палец к губам дядя Саша.

Мы замерли, прислушиваясь. Я выглянула из-за очередного ствола: улица оставалась пустынной. Да здесь и днем люди не особо хаживают. Если только крайне необходимо. Узкая заасфальтированная при царе Горохе дорога, вся в ухабах и колдобинах, с другой стороны канава, в которой все еще стоит вода после недавнего дождя. Отчаянно орали лягушки. Я не была перед главными воротами, но Шулманис говорил, что там подъезд очень даже приличный: и асфальт ровный, и прибрано все. В общем, цивилизно. Но кто же будет заниматься другой, непарадной стороной? Кому это надо?

Народная тропа, конечно, пролегает где-то здесь. Но народ наш неприхотливый, на «Мерседесах» не ездит, по этой дорожке на своих двоих он пройдет с большим успехом. Как вполне успешно шли и мы.

Пока я осматривала окрестности (не надо забывать, что ночи летом в Питере белые, и фонарик даже для прохода вдоль ограды не требовался - было достаточно светло, чтобы видеть дорогу), мужчины прислушивались к тому, что делалось на территории завода. Я тоже наострила ушки. Потом мы приступили к обсуждению.

- Говорят не по-нашему, - заметил дядя Саша. - Язык какой-то странный. Я никогда такого не слышал.

- А вы, вообще, на каких изъясняетесь? - поинтересовалась я у полковника Никитина.

- На английском свободно, немного на немецком, - ответил он. - Не забывай, что я пятнадцать лет плавал.

Да, я об этой части биографии дяди Саши на тот момент запомнила. Сама-то я владею только великим и могучим. Марис, как я предполагала, кроме русского и латышского, должен знать еще как минимум английский – если постоянно общается со скандинавами. Ну, может, и шведский, и финский. Это надо будет уточнить. Всегда уважала людей, говорящих на иностранных языках. А что, если мне тоже заняться на досуге?

– Поскольку ликеро-водочный цех принадлежит некоему Зурабу Чкадуа, – заметила я, – это вполне может быть грузинский.

– Я знаю, как звучит грузинский, – отозвался дядя Саша, – хоть и не могу на нем изъясняться. Бывал в Тбилиси неоднократно. Нет, не грузинский.

– Вы меня сейчас, наверное, сочтете за идиота... – начал Марис.

– Не тяни резину, – перебил Никитин.

– Я недавно отдыхал в Таиланде. Не уверен, но похоже на тайский.

– Откуда здесь тайцы?! – зашипела я. – Это наших в Таиланде сейчас немерено. Но тайцам-то к нам зачем ездить?

Марис неопределенно пожал плечами. Дядя Саша напряженно думал, потом заявил:

– Вот что, Наташа. Мы тебя сейчас поднимем к себе на плечи, взглянешь через забор по-быстрому. Взглянула – и назад. Только чтобы провести рекогносцировку.

– Есть! – отрапортовала я.

Меня подняли – и я увидела довольно большой двор, в котором кипела бурная деятельность. У меня было несколько секунд, но их оказалось достаточно, чтобы оценить обстановку.

– Ну? – одновременно спросили Шульманис и Никитин, опуская меня на грешную землю.

– Вьетнамцы, по-моему. Ну, точно такие же, как те, что торговали кроссовками, куртками и всяким другим барахлом на рынках и в переходах метро. Но я их что-то давно не видела в городе.

– Значит, остались еще. Там что, целый полк их?

– Человек десять, – сказала я. – Это тех, что я увидела. Может, внутри еще есть.

– Где внутри? – уточнил дядя Саша. – И что они делают?

– Коробки таскают. По двое одну. По виду тяжелые. Коробки, в смысле.

– То есть грузят спиртное?

Я пожала плечами. Если бы это были бутылки, то они бы позвякивали, а так звона я не слышала.

– Может, еще раз взглянуть? – предложила я.

– Нет, еще раз не надо, – решил дядя Саша. – Сейчас отойдем подальше. Туда, откуда этот цех не виден. Там и заберемся. Тут-то место хорошее, чтобы перелезть, но, раз погрузка идет, нельзя.

Дядя Саша снова повел наш отряд, потом остановился и спросил у Мариса:

– Ты не помнишь, какой там цех? Ну тот, где вьетнамцы? И вообще, ты хоть одного днем видел?

– Нет, – Марис покачал головой. – И не видел, и не помню. У меня же нет плана завода, но ликеро-водочный, по-моему, расположен с другой стороны, а директорский кабинет – прямо над ним. Вот сейчас мы как раз подойдем к нужному цеху.

Мы опять остановились под густыми тополиными кронами, прислушались. Никаких звуков в этой части не раздавалось.

– Так, Наташа, опять тебя поднимаем. Осмотрись.

Во дворе с этой стороны было пусто. Валялись какие-то ящики, канистры, осколки стекла, куски проволоки, металлическая стружка. В общем, типичный заводской двор. По находящимся там предметам и не поймешь, что производят на заводе. Если это вообще можно понять, даже пройдясь по территории. Метрах в двадцати от того места, где стояли мы, только с другой стороны ограды, располагался какой-то сарай. Между ним и оградой было около метра. Подле сарая стояла огромная цистерна.

Я сообщила об увиденном, и полковник принял решение продвинуться на двадцать пять метров влево и перелезть между сараем и цистерной, чтобы – в случае возникновения непредвиденных обстоятельств – мы могли за ними спрятаться. Так мы и сделали, зацепив альпинистский крюк и спустившись по запасенной веревке. Процедура не отняла много времени.

Какое-то время мы стояли за сараем, прислушиваясь, потом дядя Саша выглянул с одной стороны, Марис – с другой. В нашей части заводской территории никого не было. С этого места также не была слышна птичья вьетнамская речь.

Шулманис напомнил, что в ликеро-водочном цехе должна быть своя охрана.

– Спят, наверное, – высказал свое мнение дядя Саша.

Я с ним согласилась.

Дядя Саша осматривался, решая, как действовать дальше.

– Куда теперь? – прошептала я.

– Сейчас попробуем все двери на этой стороне. Может, что и не закрыли. Или закрыли плохо. Зайдем, посмотримся и там как-нибудь проберемся на третий этаж. Марис, ты помнишь, как к директорскому кабинету идти?

Шулманис кивнул.

– Эти точно не в ликеро-водочный? – Дядя Саша кивнул, показывая на интересовавшие его двери.

– Да вроде бы нет, – ответил Марис. – Тот цех дальше должен быть.

Мы перебежали через двор и кинулись к трем различным дверям. Я не сомневалась, что и у полковника, и у журналиста имеются отмычки или еще какие-то приспособления для несанкционированного открывания дверей, но для начала надо было попробовать, заперты ли они.

Та, к которой подбежал Марис, вообще едва держалась. Мужчины без труда открыли ее, она предательски скрипнула, но нас никто не услышал. Мы оказались в цехе, где нам впервые за этот вечер пришлось воспользоваться фонариком, прихваченным дядей Сашей. Это был склад продуктов питания. Судя по коробкам, расставленным вдоль стен от пола до потолка, здесь хранились растительное масло, кетчупы, крупа и все в таком роде. Видимо, хозяева не считали нужным хорошо запирают двери, думая, что дедушки у ворот завода достаточно, а через довольно высокую ограду за подобной продукцией никто не полезет. За водкой еще можно было бы поднапрячься (не мне, нашему человеку, страшно желающему выпить, но не имеющему для этого нужных средств и возможности заработать), но за маслом и гречкой? Вряд ли.

Мы быстро преодолели цех. Дверь, ведущая в него, была заперта на ключ снаружи, но справиться с этим замком для дяди Саши труда не составило.

– Запоминайте дорогу, – шепнул он нам на ходу, – чтобы потом быстро найти этот цех.

Мы с Марисом кивнули. Теперь путь указывал Шулманис. Следует отдать ему должное, он быстро сориентировался. Не прошло и пяти минут с момента нашего появления на заводе, как мы уже находились в приемной директора.

– Наташа, стол секретарши – твой, – велел Никитин. – А мы с Марисом займемся кабинетом.

Я кивнула. Мужчины скрылись за обитой черной кожей дверью, а я включила настольную лампу и принялась за изучение содержимого ящиков. Как я поняла, этой девушке на работе делать было особо нечего: в верхнем ящике я нашла два

номера «Лизы», один «Космополитена» и вырезки из каких-то изданий, посвященные вязанию. Само вязание находилось во втором ящике, в третьем проживали банка кофе, коробочка с пакетиками чая, банка с сахаром, открытая пачка печенья и початая банка варенья. Ничего, относящегося к секретарской работе, я там не нашла (к тому, что, по моим представлениям, должно было бы относиться к секретарской работе). Может, и в самом деле податься в секретари-референты?

Сбоку от стола, на отдельной тумбочке, стояли тот самый факс, с которого Рута (или якобы Рута?) послала Марису весточку в Ригу, и компьютер.

Надо осматриваться дальше. Мужиков что-то не слышно, но, наверное, эта дверь звуконепроницаемая.

В тумбочке лежала бумага. Ничего интересного. Осталась «стенка». Шкаф для одежды, так, тут посуда, ага, вот какие-то подшивки из писем или, как это у них называется...

Я взяла наугад папку и отправилась к лампе, чтобы проглядеть, что за переписку ведет товарищ директор металлопрокатного завода, ставшего многопрофильным. Я ничего не успела прочитать: двор за окном осветили мощные фары автомашины.

Меня словно током дернуло. Я тут же захлопнула папку, выключила лампу и кинулась в директорский кабинет. Там окна были зашторены, и мужчины спокойно продолжали заниматься разбором бумаг, даже не подозревая, что во двор приехали гости (или хозяева). Дядя Саша периодически опускал какие-то бумаги в свою сумку, Марис отправлял их в просторный карман, пришитый с внутренней стороны его летней курточки – наверное, специально приспособленный для таких операций.

На меня в первый момент даже не обратили внимания, так они были увлечены своим делом. Чувствовалось: люди в своей стихии. А что вы хотите? Криминальный репортер собирает материал, полковник ФСБ – компромат. Спелось на почве общих интересов. И где только они его собираются использовать? Называется: ищем пропавшую девушку.

– Во дворе кто-то появился, – прошептала я.

– Кто? – спросил дядя Саша, проглядывая какую-то бумагу.

– Машина приехала.

– Выгляни в окно, будь другом, – велел Марис, засовывая очередную бумагу в бездонный карман.

Я отодвинула штору и посмотрела во двор. Сарай с цистерной, между которыми мы приземлялись, находились справа, вообще-то, я видела только цистерну, сарай оказался, так сказать, за кадром, то есть пути отхода оставались для нас открытыми. Во дворе стоял фургон с откинутым задним бортом, неподалеку остановилась «Тойота», от которой к зданию шли двое мужчин. Их лица находились в тени, так что рассмотреть их я не смогла. Внутри фургона стояли ящики с бутылками.

Вот и ликеро-водочный цех. Вернее, цех грузинских вин питерского розлива. Я сообщила Марису и дяде Саше об увиденном и высказала мнение, что неплохо бы им побыстрее свернуть их деятельность. В ответ дядя Саша заметил, что сейчас как раз лучше и не бегать через двор, а то могут заметить незваных гостей и принять нас не очень вежливо.

– А с какой стороны они подъехали? – обратился ко мне Марис, не отрывая взгляда от бумаг. – От сарая, где мы лезли, или...

Я тут же представила приближающийся свет фар и заявила, что с противоположной.

– Ну, в общем, тогда можно и двинуть, – заметил Марис. – Или подождем среди продуктов. Мне еще минуты три надо. А у вас как дела, Александр Петрович?

– Почти закончил.

Мне велели скрыть следы своего присутствия в приемной. Наверное, излишним будет упоминать, что все мы работали в тонких перчатках, чтобы, не дай бог, не оставить отпечатки пальцев. Перчатки имелись и у Мариса, и у дяди Саши (как необходимые в работе предметы), со мной, естественно, поделились.

Я быстро убрала папку с письмами на место, так и не удосужившись больше ее открыть. Вскоре из директорского кабинета показались Марис с Никитиным, закрыли его, закрыли приемную, и мы все вместе отправились вниз.

Оказавшись в цехе, использовавшемся как склад продуктов, дядя Саша на цыпочках приблизился к двери, ведущей на улицу, и выглянул наружу.

– Здесь никого, – прошептал он.

Справа доносился звон стекла, ударяющегося о стекло. Шла разгрузка пустой тары. Голос с грузинским акцентом подгонял не совсем внятно изъяснявшихся по-русски грузчиков. Похоже, что они перед работой для прилива сил приняли на грудь. И эти грузчики тут выполняют функции охранников?!

– Ну, пошли, что ли? – спросил Марис.

Мы прикрыли за собой опять скрипнувшую дверь и быстро пересекли двор к сараю. Дядя Саша еще раз уточнил, не виден ли сарай от ликеро-водочного цеха.

– Из приемной не виден. Только цистерна, и то не вся. А цех под приемной. Не должен.

Мы стояли за сараем, веревка, идущая с крюка, висела чуть правее.

– Может, взглянем, чем они занимаются? – предложил Марис.

– Зачем? – зашипела я. – И так ясно, чем. И мы не из-за них сюда пришли.

– Я их сфотографировать хочу, – сказал Марис.

– Очумел, что ли? – повернулся к нему дядя Саша.

– Ну я же все-таки сюда еще и работать приехал, – заметил Марис. – Вот редактор-то главный обрадуется такому снимку.

– Марис, может, не надо... – сделала я попытку отговорить его.

– Не бойся. – Он взял меня за руку. – Вы с Александром Петровичем быстро перелезайте на ту сторону, а я проскочу за цистерну и оттуда щелкну их пару раз – и за вами. Не в первый раз, чай.

– Как знаешь, – сказал дядя Саша, помогая мне перемахнуть через стену.

Марис присоединился к нам минуты через три. Вот в эти минуты я почувствовала страх. Почему-то проникновение в директорский кабинет под покровом ночи не произвело на меня особого впечатления, воспринималось просто как работа, которую нужно сделать, а вот эти последние мгновения, когда Марис один отправился на рискованное предприятие... Я уже рисовала в мозгу жуткие картины того, что с ним могут сделать, если поймают...

Но вот он появился над стеной, отцепил крюк и вместе с ним спрыгнул вниз.

Не успели мы сделать и двух шагов, как за оградой снова слышались звуки подъезжающих машин. Их было две. Легковые.

– Кого еще там черт несет? – пробурчал дядя Саша. – Здесь что, все в ночную смену работают?

– Мы ушли как раз вовремя, – заметила я. – А вдруг это приехали за продуктами?

– Что, кому-то масла на ужин не хватило? Или поняли, что к завтраку ничего не осталось? – усмехнулся Марис.

– Так, поднимите меня, – твердо сказала я. – Проведу осмотр объекта в последний раз.

Марису с дядей Сашей второго приглашения не потребовалось, и я оказалась на их плечах.

В то мгновение, когда моя голова приподнялась над оградой, на территории завода открыли автоматный огонь.

Глава 7

Я тут же убрала голову, мои друзья опустили меня на землю.

- Бежим! - напряженно прошептал Марис и уже готов был припустить наутек.

Дядя Саша схватил нас обоих за руки и тихо приказал:

- Стоять и не двигаться!

Мы замерли на месте, прижимаясь спинами к бетонной стене, радуясь тому, что тополя и какие-то низкие редкие кустики создавали тень. Ночь была белой, но, на наше счастье, наступило самое темное время. Забор и деревья работали на нас. Да и кто ожидал увидеть в этой глухомани нашу троицу?

Я подумала, что дядя Саша прав: если бы мы бросились бежать, то создали бы лишний шум. Несмотря на стрельбу, налетчики могли бы услышать, что здесь кто-то пытается скрыться бегством, и выпустили бы нам вслед очередь-другую. А так пересидим (или перестоим?) и двинем себе тихонечко в сторону нашей машины.

Теперь вернусь к тому, что я успела увидеть, приподнявшись над забором. Приехали две машины. По-моему, «БМВ» и «Форд». Более точно сказать не могу. Времени рассмотреть их просто не было. Автоматчиков тоже было двое - по одному из каждой машины. Логично рассуждая, следовало предположить, что в каждой машине сидели еще как минимум по водителю. Может, еще кто имелся, но внутри я, как вы догадываетесь, не могла заглянуть.

Раздался звон разбиваемого стекла: очередь явно прошла по бутылкам в машине с открытым бортом. Звон сопровождался дикими криками людей. Все закончилось очень быстро. Наверное, с момента остановки машин до их скоропалительного отъезда не прошло и двух минут.

Мы пришли в себя. Я хотела предложить поторопиться к машине, но дядя Саша заявил:

– Надо бы взглянуть, что там.

– Алексан... – начал Марис и осекся.

А мне вдруг тоже захотелось посмотреть. Вдруг увидим что интересное? Вернее, я увижу.

Меня опять подняли на плечи, и я осторожненько приподняла голову над бетонным забором. Так и есть. Разбитые бутылки, грузчики, их таскавшие, лежат рядом с ящиками – там, где упали. Какой-то полный мужчина неловко вывернул ногу и тоже лежит в луже крови...

Внезапно мое внимание привлекло шевеление за цистерной – за ее самым дальним от меня концом. Там валялись какой-то ржавый стальной лист, моток проволоки и еще несколько непонятных железяк. Этакая кучка металлолома, видимо, непригодного к переплавке. Из-за этой кучки показалась голова с пышной шевелюрой, потом начало постепенно выползать тело, двигавшееся на коленях. Правой рукой пострадавший зажимал простреленное левое плечо. Из-под пальцев просачивалась кровь. Мужчина стонал.

– Ну? – прошипел снизу Марис.

– Один живой, – шепотом сообщила я. – Мне кажется, я его знаю...

Но я не могла с полной уверенностью решить, кто это: Вахтанг Георгиевич или его брат. С братом мне встречаться не приходилось. А Чкадуа-старшего я видела только на светских приемах, в дорогом костюме, с галстуком-бабочкой, галантного и приятно пахнущего. Здесь же из-за груды железа на коленях выползал человек в каком-то обвисшем свитере и джинсах. Его лицо было искажено болью, да и видела я его не совсем четко. Наверное, брат Вахташи, решила я. Да и что бы здесь стал делать сам Вахтанг Георгиевич? Тем более если производством заведует Зураб?

– Кто он? – спросил дядя Саша.

– По-моему, это младший брат Чкадуа.

Никитин с Шульманисом тут же все поняли.

– Так, надо его вытаскивать, – решительно заявил дядя Саша. – Отвезем к себе, то есть на вашу квартиру.

– А там и благодарность потребуем, – добавил Марис.

«Эх ты, как у нас мысль-то работает», – пронеслось у меня в голове.

– Зови его, Наташа. Сейчас мы ему перекинем веревку.

– Эй! – крикнула я не очень громко: мало ли кто еще может меня услышать? – Мужчина!

Зураб (я считала, что это он) дернулся, словно ужаленный, и пулей исчез за грудой металлолома. Испугался, наверное. Ну что ж, понятно.

Я сообщила обстановку державшим меня Марису и дяде Саше.

– Он что, идиот?! – воскликнул Марис. – Его спасти хотят, а он, придурок...

– Давай снова, – сказал Никитин.

Я сделала еще одну попытку:

– Зураб Георгиевич! Зурабчик! – позвала я громче, чем в предыдущий раз. – Быстро идите к нам. Мы вам поможем!

Никакого ответа не последовало.

– Так, перемещаемся на то место, – отдал приказ Никитин. – Сорок шагов влево.

Когда мы оказались на нужном (по нашим расчетам) месте, дядя Саша отдал следующий приказ:

– Теперь пусть посмотрит Марис.

Я вместе с дядей Сашей подставила Марису хрупкое девичье плечо.

– Он без сознания, – тут же сообщил Шулманис. – У него не только плечо, но, кажется, и бок...

– Лезь за ним, – велел дядя Саша Марису.

Шулманис беспрекословно оказался на другой стороне, нагнулся над лежавшим на земле мужчиной, сообщил нам, что тот дышит, потом обвязал его веревкой. Мы с Никитиным на пару перетянули раненого на свою сторону. Весил он немало: явно любил хорошо поесть, и нам с сухощавым полковником Никитиным пришлось поднатужиться. Марис быстро перебрался вслед за жертвой.

– Давайте вдвоем за машиной, – сказал дядя Саша нам с Марисом. – Я с ним здесь подожду.

Вскоре мы уже были на пути к дому. Я опять сидела за рулем. Рядом пристроился Марис, дядя Саша с раненым расположились на заднем сиденье. Никитин быстро разорвал на себе рубашку и стянул руку Зураба, чтобы остановить кровь. Теперь он рассматривал его простреленный бок.

– М-да, пожалуй, без помощи врача нам не обойтись, – заметил Никитин через какое-то время.

– Куда ехать? – деловито поинтересовалась я, не сомневаясь, что у Никитина есть надежный медик.

– Ехать все равно к вам, – заявил дядя Саша. – Марис, дай-ка мне твой телефончик, я сейчас позвоню. Вызову врача на дом.

Дядя Саша связался с каким-то Рубеном, назвал ему наш адрес, вкратце объяснил, какого раненого мы имеем на руках, и попросил появиться у нас. По всей вероятности, этот самый Рубен ответил, что это нам надо ехать к нему. Они какое-то время спорили с дядей Сашей, потом Никитин согласился с врачом и обратился ко мне:

– Смена курса, Наташа. У Рубена теперь есть своя частная больничка. Надеюсь, этот сможет оплатить его услуги? – Дядя Саша кивнул на припавшего к его плечу Зураба.

– Сможет, – сказала я.

– С таким-то производством! – хмыкнул Марис.

Мы поехали в частную клинику Рубена. Нас там уже ждали.

Медперсонал был исключительно вежлив и дружелюбен. Раненого мгновенно забрали у нас и отправили в операционную. Нас провели в специально оборудованную комнатку, где тут же предложили на выбор чай, кофе, кое-что покрепче, поинтересовались, не желаем ли мы перекусить...

Рубен Саркисович заглянул к нам и сообщил, что поговорит уже после операции. Приятная молодая медсестра показала нам кнопку, на которую можно нажать, если нам что-нибудь понадобится, сказала, где можно помыть руки.

Я тут же отправилась в это заведение. Оно напомнило мне те, что сейчас можно встретить в самых дорогих ресторанах нашего города. Потом я прогулялась по нескольким холлам. Больше всего меня поразило то, что нигде не было запаха больницы, приятно пахло лавандой, ландышем или фиалкой. Стены были окрашены в радующие глаз цвета.

Когда я вернулась в отведенную нам комнату, Никитин с Шулманисом уже приняли коньяку для расширения сосудов. Предложили и мне. Я отказалась, заметив, что мне еще везти их домой, и налила себе чаю с травами.

Появился Рубен Саркисович и сообщил, что раненый в сознании, можно поговорить с ним, если у нас есть такое желание. Врач вынул из него две пули, которые господин попросил оставить ему на память, но раненому повезло: его спасла внушительная жировая прослойка. Никаких жизненно важных органов не задето. Будет жить.

Пообщаться с ним мы отправились втроем. При виде меня у раненого округлились глаза.

– Наташа?! – воскликнул он.

Это все-таки был Вахтанг.

Глава 8

Больше всего Вахтанга Георгиевича беспокоило, чтобы никто не узнал о его нынешнем местонахождении. Рубен Саркисович успокоил нашего подопечного, заявив, что в его клинике у пациентов не то что паспорт, а имя и фамилию не спрашивают, просто интересуются, как бы дорогой пациент хотел, чтобы его именовали. Можно даже так – номер третий или двадцать четвертый, но это обычно делается по номеру палаты.

– Хочешь называться Иваном, дорогой, – будешь Иваном. Хочешь Кареном – будешь Кареном, хочешь Джоном – будешь Джоном. Мне неважно, как тебя на самом деле зовут. Ты для меня – больной. Я – врач, я тебя лечить должен. Каждый должен заниматься своим делом. У мужчины дело должно быть свое, да? Вай, что я тебе объясняю? Ты сам – мужчина.

Вахтанг очень хорошо понимал Рубена. Врач дополнительно заверил его, что охрана в больнице – высший класс, сюда никто не проникнет ни под видом посетителя, ни под видом врача, накинув белый халат, чтобы доделать незаконченную работу дополнительными девятью граммами свинца, как уже случилось в государственных учреждениях, где шатаются все, кому не лень. У Рубена Саркисовича не проходной двор.

Чкадуа удовлетворенно кивнул. Мы с ним договорились, что дядя Саша, Марис и я подъедем завтра к вечеру, когда Вахтанг немного придет в себя. Разговор есть. Вахтанг кивнул, заметив, что и у него к нам будет разговор. Желания с кем-либо связаться он пока не выражал. Мы поняли, что его сильно клонит в сон, да и медсестра уже стояла со шприцем наготове. Мы попрощались и удалились.

* * *

Мне казалось, что я только что опустила голову на подушку, когда услышала будильник. Я с трудом разомкнула веки и взглянула на часы: десять утра. Какой идиот мог его поставить на десять?! Этим идиотом оказался Марис.

Я высказала ему все, что о нем думаю. Шулманис отреагировал на мою тираду вполне спокойно и заметил, что я могу спать дальше, а он – мужчина, и, как вчера правильно заметил хирург, у мужчины должно быть дело, и это самое дело должно быть превыше всего. Для любого мужчины, не только для восточного. Мариса ждала работа.

Он уехал, а я тут же снова погрузилась в сон и поднялась только около четырех. Совсем ночь в день превратила, а день – в ночь. Ну что ж, такова жизнь, как любил говаривать мой предыдущий, правда, он это всегда выдавал на французском. Он вообще говорил на нескольких языках. Нет у него, наверное, проблем и в общении с чертями. В том, что он сейчас беседует не с ангелами, у меня сомнений не возникало.

Я, не торопясь, встала, постояла под контрастным душем, сделала маску, выпила кофе, потом быстренько сварганила себе яичницу с ветчиной. Вскоре прибыл дядя Саша. Мариса пока не было.

Дядя Саша извлек из своей бездонной сумки весьма любопытный набор подарков, в частности, три парика для моей скромной особы, примерив которые, я поняла, как здорово можно изменить внешность. Если еще сменить макияж... У Никитина были для меня и очки с простыми стеклами, и какая-то странная смесь, после нанесения которой на лицо, как объяснил дядя Саша, оно делается морщинистым.

– Ну уж нет! – завопила я. – Никаких морщин! Этого еще не хватало!

– Ну не навсегда же они появляются, – заметил полковник. – Временно. Когда нужно для дела. Видишь, вот в этом паричке имеются седые волоски? Кто тебя узнает в нем и с морщинами? Походочку потренируешь, оденешься не в твои модные шмотки, а в то, что я тут для тебя припас.

Дядя Саша извлек из мешка пакет с одеждой. Мне стало плохо, когда я увидела, что мне предстоит надеть. Я уже открыла рот, чтобы снова возразить и закатить очередную истерику, но дядя Саша меня остановил.

– Ты с братом вчера или сегодня связывалась? – спросил он.

Я покачала головой.

– Надо бы к нему наведаться, а в таком одеянии тебя никто не признает, если за домом и следят.

– А с какой стати старуха пойдет к молодому парню?

– Представишься одной из Детей Плутона.

– Это еще кто такие? – решила выяснить я.

– Тебя что, кто-то спрашивать будет? Тебе большинство людей просто дверь не откроют. Им уже всякие Дети Солнца, Луны и прочих небесных светил надоели до чертиков. У меня просто тут брошюры после одного дела остались. На них написано «Дети Плутона». Вот и будешь такой дитятей.

Никитин извлек из сумки тонкие брошюры, напечатанные на хорошей бумаге, и протянул мне для изучения.

Я быстро проглядела содержание, чтобы, по крайней мере, усечь суть учения, которое я буду проповедовать. Оказалось, что Плутон время от времени разговаривает со своими детьми, оберегая их от несчастий и указывая им правильный путь. Услышать его сразу практически невозможно, сначала нужно проникнуться его учением, поверить в его силу, сделать пожертвования (ну как же без этого?), слушаться старших братьев и сестер, с которыми Плутон уже разговаривает, и ждать, пока он не заговорит с вами. Я должна была представлять тех, с кем он уже общался.

Я надела парик, дядя Саша помог мне наложить стягивающую щеки жидкость, тут же сделавшую кожу морщинистой, облачилась в принесенную им одежду и взглянула на себя в зеркало. На меня смотрела сухощавая высокая старушка.

– Теперь только походку твою манекенскую изменить – и готово дело, – заявил дядя Саша. – Давай потренируемся до прихода Мариса, а потом проверишь на нем.

Увидев на кухне старушку с кучей каких-то религиозных брошюрок, Марис вначале опешил, а потом заорал на дядю Сашу, спрашивая, зачем ее (то есть меня) сюда пустили. Затем он стал бегать по квартире – искать меня. Я понесла какую-то чушь про Плутона и его Детей.

Марис остановился как вкопанный. Он узнал мой голос, что тут же заставило дядю Сашу начать работать над его изменением. Мы долго думали, как это сделать, потом решили, что я должна просто говорить гораздо тише (а голос у меня звонкий), почаще вздыхать и растягивать слова. И, разумеется, никаких матерных выражений: не подобает это проповеднице. А я-то, откровенно говоря, люблю пропустить крепкое словечко. Да и как иначе-то в этой жизни?

Наконец я была готова к ратным подвигам. Дядя Саша вручил мне мобильник. Мы решили, что я отправлюсь на квартиру к брату одна. Вначале зайду в другие квартиры у него в парадной, а потом уже появлюсь у Андрюши с Сережей и выясню обстановку. У Мариса также возникла идея, что в дальнейшем можно будет использовать мой новый облик, если придется идти в логово, где держат Руту. Ну, это мы еще посмотрим, милый мальчик (правда, я опять не стала говорить вслух о своем нежелании рисковать ради какой-то неизвестной мне Руты).

Я отправилась на трамвайную остановку, а мужчины остались разбирать документы, извлеченные вчера ночью из директорского кабинета на заводе.

* * *

Напротив парадной моего братца стояли его родная «Вольво», Серегина «шестерка» и еще какая-то «девятка», в которой на месте водителя сидел качок с короткой стрижкой. Он скользнул по мне взглядом и потерял интерес к бабке с авоськой (в которой лежали брошюры).

На первом и втором этажах двери мне не открыли вообще, на третьем заявили, что там живут люди православные и нечего мне тут шастать, на четвертом девчонка лет шестнадцати немного послушала мой бред, не пуская дальше порога, потом сказала, что ее это не интересует, и захлопнула дверь. Я пошла к Андрюше.

За дверь слышались какие-то звуки. Нет, не борьбы. Ни криков, ни стонов тоже не было. Что-то куда-то оттаскивали. Тело?

Я позвонила. Звуки стихли. Дверь не открывали. Потом я своим звериным слухом уловила, как кто-то крадется к двери, и почувствовала, что меня рассматривают в «глазок». Я придала своему лицу идиотское выражение и снова позвонила.

Дверь открыл молодой качок, двойник того, который сидел в «девятке». Дверь в комнату была плотно прикрыта, звуков оттуда не доносилось, в крохотном коридорчике никого не было.

- Что нужно? - спросил качок.

- Сыночек, - залепетала я, вытаскивая одну брошюру из авоськи, - вот не хочешь ли почитать вечерком? Это нужно знать каждому... - Я лично не представляла, как разговаривают с людьми религиозные агитаторы или как там их называют, потому что в те дома, где я проживала в последние два года, ни бабульки, ни тетки, ни молодые люди не ходили ни с агитацией, ни с предложениями - их просто не пустила бы охрана, там, где она была, - или им не открыли бы дверь парадной жильцы, потому что там были установлены видеокамеры.

- Не хочу, - грубо перебил меня качок. - И не ходи... не ходите сюда больше.

- Ну ты хоть послушай... - сделала я еще одну попытку.

Перед моим носом грубо закрыли дверь. Наверное, я плохой агитатор. Или вначале надо проникнуться идеей?

М-да, складывающаяся ситуация мне совсем не нравилась. У моего брата явно были неприятности (и это еще мягко сказано). Скорее всего, причиной этих неприятностей была я. Но тогда...

Мне нужно не только спасти брата, но и быстро сматываться с той квартиры, в которой сейчас спокойно сидят дядя Саша с Марисом, - нельзя забывать о том, через кого мы ее нашли. Никитин с Шульманисом, конечно, могут постоять за себя, но...

Я быстро прикинула свои шансы. Брату я сейчас помочь все равно не смогу. Неизвестно, сколько их там в квартире. А вот предупредить дядю Сашу с Марисом успею.

Я пулей слетела по лестнице, но по двору опять шла старушечьей походкой, чтобы не вызывать подозрений у типа в «девятке». Но на этот раз он, кажется, на меня вообще не взглянул – сидел, курил, уставившись на пешеходную дорожку. Я проследила за направлением его взгляда. Ах вот оно что. Две девчонки-школьницы крутятся у угла дома в юбочках, заканчивающихся, не успев начаться. Да, с такой подстраховкой боевой отряд каши не сварит... Ну и бойцов набирают! Тоже, наверное, нехватка квалифицированных кадров, как и в других областях нашей жизни.

Я зашла за угол дома и достала мобильник.

Набрав номер сотового телефона Мариса, быстро пояснила ситуацию. Мужчины сказали, что будут готовы через пять минут (мои вещи были практически собраны: именно так велел их держать дядя Саша, словно предчувствовал, что нам придется спешно покидать квартиру). Ключи от моей «БМВ» остались у Мариса, поэтому дядя Саша сказал, что они выедут со двора и подберут меня у Высшей пожарной школы, куда мне было велено прибыть, что я и сделала.

На этот раз за рулем был Марис, дядя Саша восседал рядом с ним, я устроилась сзади.

– Едем в больницу к твоему Вахтангу, – пояснил дядя Саша.

– Я – в таком виде?!

– Ты что, охмурять его собралась? – спросил дядя Саша. – Если желаешь, то в следующий раз.

Вахтанг Георгиевич чувствовал себя гораздо лучше.

Вахтанг был очень рад лицезреть нашу компанию. Меня в виде старушки он вначале долго рассматривал, ничего не понимая. Я на какое-то время забыла, что выступаю не в своем привычном обличье. Говорила я теперь нормальным голосом, да и Марис с дядей Сашей воспринимали меня как обычно, словно не замечали маскарада. Надо отдать должное Чкадуа, он быстро въехал в суть, посмеялся, похвалил гримера (дядю Сашу) и перешел к делу.

Ему нужно было скрыться. Две пули, извлеченные из его тела, лежали на тумбочке рядом с кроватью – Чкадуа решил оставить их на память. Он не стал уточнять, кто в него стрелял. Как я поняла из его туманных намеков, Вахтанг Георгиевич сам точно не знал, кто именно. У него имелись несколько кандидатов на роль заказчика, следовало выяснить, кто из них решился на столь кардинальные меры и почему. Господину Чкадуа совсем не хотелось принимать в себя еще одну партию свинца.

Он ни словом не обмолвился про свое второе гражданство – греческое. Я, конечно, тоже молчала как рыбка. Не хочет говорить – его дело. Заказчики, пославшие за ним людей, вполне могли знать про бизнес Вахтанга в Греции. Скорее всего, глубокой норы у него не было. Или еще не успел соорудить, или такой необходимости пока не возникало. Но вот теперь Вахтангу Георгиевичу потребовалось надежное укрытие.

Шулманис опять предложил поехать в Латвию (как и в случае со мной). Вахтанг весьма подробно расспросил про условия, в которых придется жить, если он согласится на вариант Мариса. Как я поняла из разговора, господин Чкадуа очень любил комфорт, а общий душ в конце коридора остался для него воспоминанием далекого детства.

– Правда, женщин там много, – заметил Марис. – А мужчин – нехватка.

После этой фразы Шулманиса Вахтанг Георгиевич тут же наострил свои большие уши. Женщин господин Чкадуа любил даже больше, чем комфорт.

– Латышки? – тут же уточнил он.

– Всякие есть, – ответил Марис.

– И ждут настоящих мужчин? – Вахтанг Георгиевич уже облизывался, словно кот перед блюдцем сливок.

– Да, вообще-то, всяким будут рады, – ответил Марис.

Чкадуа задумался. Ему надо было исчезнуть из Петербурга. И если для спасения своей шкуры требуется пойти на временные неудобства, нужно на них пойти. Родная шкура ведь очень дорога ее носителю. Наверное, так рассуждал Чкадуа, принимая решение, а обещанные в большом количестве женщины, жаждущие мужчин, должны были несколько смягчить предстоящее отсутствие комфорта. Да и в компании с моей персоной ему там будет очень неплохо, как, подмигивая, намекнул грузинский мужчина. Дядя Саша заметил, что он лично будет выступать в роли моей дуэньи (так, и он тоже собрался в бывшую братскую республику?), а следовательно, господину Чкадуа не следует особо раскатывать губу.

В общем, взвесив все «за» и «против», Чкадуа согласился поехать с нами в Латвию, дал Марису координаты человека, с которым следовало связаться насчет его паспорта, заверил, что Шулманису за его услуги хорошо заплатят.

– Слушайте, – серьезным голосом обратился к нашей компании Вахтанг, – а почему вы все-таки меня спасли? Вы же меня не знаете. Вот только Наташа...

Как и никто из нас (я имею в виду себя, Мариса и дядю Сашу), в благотворительность он не очень верил. Законы жизни приучили его к тому, что ничто не делается просто так. За любую услугу надо платить. Каждое действие имеет под собой какой-то корыстный интерес.

– Итак, чем я могу быть полезен вам? – поинтересовался Чкадуа.

Марис пояснил, что ищет свою девушку. Мы с дядей Сашей промолчали.

Выслушав внимательно Шулманиса и уяснив, в чем его подозревают, Вахтанг долго смеялся.

– Раз я человек восточный, значит, у меня должен быть гарем? Это вы так рассуждали? Но я же не шах и не султан какой-нибудь. И у меня, кстати, Тамара

есть. В Тбилиси. Моя царица. А тут я... ну, балуюсь. – Мне опять подмигнули. – А чтобы женщину силой держать – это не для меня. Это унижает достоинство мужчины. Я люблю, чтобы женщина сама хотела отдаться мне. По доброй воле. Нехорошо женщину заставлять. Не по-мужски. Да и любят меня женщины, правда, Наташа?

Тут я спросила у него, не играл ли Вахтанг Георгиевич на меня в карты с господином Волошиным и как это согласуется с тем, чтобы женщина отдавалась по доброй воле.

– Играл этот... нехороший человек, – подобрал выражение Чкадуа. – Дубовицкий. Гнида, вошь. Не уважаю. Не терплю. Женщиной восхищаться надо, на пьедестал ставить, а этот... Но, может, он как мужчина – ничто? – Вахтанг снова хитро подмигнул мне. – Поэтому и пытается брать женщин силой? Они его самого не любят, а только за деньги и соглашаются? А?

– Мы отошли от темы, – заметил Марис.

– Нет уж, давайте закончим с картами, – заявила я. – Вахтанг Георгиевич, скажите, пожалуйста, что произошло в тот вечер? Я говорю об игре.

Чкадуа помолчал немного, а потом заявил очень серьезно:

– Подонок твой Волошин. Если мужчина решает играть на свою женщину, я его не уважаю. И больше дел с ним иметь не стану. Ты с ним рассталась?

– Конечно, рассталась! Я, как только узнала, вещички собрала и сделала ноги. Знаю, что он ищет меня по городу. Поэтому и собираюсь составить вам компанию в Латвии.

– Вот и хорошо. Отдохнем вместе. Ну а что играл он на тебя... Этот нехороший человек зацепил твоего на крючок и держал... Не буду говорить, как... Я и не знаю всех деталей. Это другая история. Настоящий мужчина плюнул бы ему в лицо и ушел. Пусть бы деньги потерял, пусть бы квартиру-машину проиграл, но не женщину! Гавнадий сказал: или на Наташу играем, или разговоров никаких вообще не будет. При свидетелях. Твой проиграл. Но это и неудивительно.

- Почему? – спросили мы втроем.

- Я выяснил потом... Гавнадий – бывший шулер. Отошел от карточных дел, занялся бизнесом. Бизнесмен хренов... Так и делает свой бизнес. Люди ему проигрывают – и он получает то, что хочет. Вот и приподнялся. А сам – дерьмо. Я понимаю, когда ты оказываешься хитрее конкурента, сделку у него уводишь – я сам такой! Ты оборотистее, ты умнее, ты быстрее! Я – купец, понимаете? Купец! И другого купца всегда пойму. Купец с купцом всегда договориться смогут. Но не шулера! Шулера не пойму, договариваться с ним не стану! Шулеров я презираю!

- А сами играете, Вахтанг Георгиевич? – поинтересовался дядя Саша.

Чкадуа покачал головой.

- В карты – нет, в рулетку – нет. С судьбой играю. Рискую. Деньгами, имуществом, жизнью, наконец! Но своей, только своей! А в карты никогда не играю. Несерьезное это дело. Не для мужчины. Мужчина работать должен, деньги зарабатывать. И тратить! Деньги существуют для того, чтобы их тратить. На удовольствия, на женщин! Хорошо покушать, с друзьями посидеть...

- Но ведь картежники тоже деньги зарабатывают! – заметил Марис.

- Зарабатывают, дорогой, зарабатывают... – протянул Вахтанг. – Но не так, как надо. Мужчина работать должен! А не за столом в карты играть.

- Вахтанг Георгиевич, – снова обратился к Чкадуа дядя Саша, – то есть вы хотите сказать, что Геннадий Дубовицкий заработал весь свой капитал карточной игрой?

- Ну не совсем, не совсем, дорогой... Первоначальный капитал оттуда. Потом по ходу дела партнеров облапошивал... Получал то, что хотел, а по-другому не мог заиметь... Вот как тебя, Наташа.

- Он меня не получил! – закричала я. – И не получит!

– А что ты-то в городе еще сидишь? – серьезно посмотрел на меня Вахтанг. – Немедленно уезжай в Латвию. Мы потом приедем. Тебе опасно здесь оставаться.

– Я обещала Марису помочь найти его девушку, – заявила я. – Потом мы уедем все вместе.

Разумеется, я предпочла бы уехать без девушки Мариса, но вслух в этом признаваться не следовало.

Вахтанг молчал, думая о чем-то своем. Мы тоже не произносили ни звука. Первым молчание нарушил Марис:

– Вахтанг Георгиевич, как вы считаете, у этого самого Дубовицкого может быть гарем? Судя по тому, что я о нем уже услышал, – вполне.

– Вот я как раз сейчас и думал об этом, дорогой, – признался Чкадуа. – Бывал я у него на дачке... Он там иногда компании собирает, как раз в картишки перекинуться...

– А что, он всегда выигрывает? – перебила я. – Неужели с ним соглашаются играть, зная, что он всегда выходит победителем?

– Во-первых, он играет каждый раз с новыми партнерами. Раз поиграл – получил, что хотел, и хватит. Это на серьезные ставки. А тем, кого домой к себе приглашает, иногда и проигрывает. Но, по-моему, это он специально делает, чтобы не заподозрили. Да там и ставки совсем маленькие по сравнению с серьезной игрой. Я всегда отказывался, он меня попробовал несколько раз напярчь, но я твердо говорил «нет», и он понял, что не переубедит. Я наводил о нем справки – вот и выяснил его «трудовую биографию». А когда играли на его даче, я внимательно следил.

– И заметили что-нибудь? – подался вперед Марис.

– В смысле, шулерства – нет. Он же профессионал высочайшего класса! Как я могу заметить? Но у меня создавалось впечатление, что проигрывал он специально, чтобы разжечь у других интерес к игре.

- А почему вы упомянули дачу? - поинтересовалась я.

- Там нам предлагались развлечения... - поведал Вахтанг.

Развлечения были разнообразными и включали танцы и песни в исполнении юных див - причем все они были разных национальностей и исполняли свои народные песни и танцы, пока мужчины выпивали и закусывали. Во время карточной игры девиц не было, потом их предлагали гостям для ночных утех.

- Я не назвал бы это гаремом, - заметил Вахтанг. - В гареме все женщины - жены одного мужа. Или наложницы. Их не предлагают гостям. Они только для своего хозяина и повелителя, а тут... Это по-другому именуется. - Чкадуа опять подмигнул.

- Но вам не показалось странным, что хозяин развлекает гостей таким образом? - спросил дядя Саша.

- А что тут странного? - искренне удивился Вахтанг. - Все хотят показать друзьям и компаньонам что-нибудь оригинальное, то, чего ни у кого нет. Стриптиз надоел, официантки голые тоже надоели. Вот один мой друг балетную труппу держит. Лебедят, как он их называет. Он сам тощеньких, маленьких девочек любит... Маленьких не в смысле возраста, а там рост, вес... Как раз балерины подходят. А знаете, сколько у нас балерин безработных? Так у него конкурс на просмотр, только бы хозяину подойти! Дама у него работает лет под пятьдесят, тоже бывшая балерина. Она спектакли с этой труппой ставит. Они все танцуют перед гостями в этих своих беленьких пышных юбочках... Не раздеваются, только пляшут, ножки вверх задирают. Но трахаются только с ним... И, по-моему, все довольны.

- Он их держит взаперти? - спросил Марис.

- Кто? Если ты имеешь в виду любителя лебедей - нет. Одна, по-моему, с ним постоянно живет, а остальные приезжают на репетиции и спектакли. Ну и когда там хозяину захочется... Все добровольно! Я же говорил, к нему очередь на конкурс! Джвари - мужчина щедрый. А Дубовицкий... Не в курсе. Честно, не знаю. Джвари - мой друг, так что я точно знаю, а Геннадий... Не уважаю его! Не спрашивал. Не задумывался. Был-то я у него на даче всего два раза.

Марис с дядей Сашей принялись за выяснение месторасположения дачи и количества охранников, попросили Вахтанга нарисовать ее план – то, что он помнил. Чкадуа удовлетворял их любопытство как мог. Я видела, что он искренне старается нам помочь – услуга за услугу. Видимо, приперло из Питера сбежать, наворотил дел Вахтанг Георгиевич, или Константинос Колиастасис. Почему же он все-таки в Грецию-то не хочет ехать под своим вторым именем? Или и там уже наследил, как и в многочисленных странах дальнего зарубежья? Интерпол, что ли, за ним гоняется, а он надеется, что в Латвии его не достанут? Он же, наверное, не знает, что я в курсе его прошлых подвигов (конечно, только малого их количества, но тем не менее). Мой предыдущий почему-то им в свое время сильно интересовался, в Париже мне про Вахташу много интересного поведал... Но Сергей тогда был здорово пьян, понесло его почему-то, а так мужик он скрытный был, о своих делах почти не говорил.

Менты меня допрашивали после убийства, но что я могла сказать? Если бы и знала, все равно молчала бы: за длинный язык в нашем мире по головке не гладят. Дурочку из себя строила, а это и несложно было: у массы людей сложился стереотип – раз красивая манекенщица с длинными ногами, значит, в голове у нее пусто, ветер гуляет. От меня и отстали по-быстрому, поняли, что зря время тратят. Для проформы протокольчик заполнили, смоченный моими слезками, – и переключились на более важные дела. Кого теперь удивишь заказным убийством?

Но самое любопытное: выяснилось, что практически никто из окружения моего предыдущего не был с ним по-настоящему близок. Я слышала, как это потом обсуждал Волошин со своими друзьями. В фирме тоже практически никакого криминала не нашли. Она отошла двоюродному брату Сергея, он и сейчас успешно руководит ею, особо не напрягаясь при этом: печка хорошо разгорелась, знай подбрасывай поленья в огонь. Тем более этот братец работал одним из замов: в курсе дела. Может, на досуге мне заняться убийством моего предыдущего? Попробовать себя в роли частного детектива? Но, с другой стороны, времени уже столько прошло... Обязательно надо на могилку к нему съездить, цветочки посадить. Да и в обличье старушки я не вызову ни у кого подозрений, если появлюсь на кладбище.

Я приняла решение и теперь могла снова слушать, о чем идет беседа в больничной палате. Марис с дядей Сашей тоже приняли решение: съездить на дачу к Дубовицкому. В роли проповедников. Ну и меня, естественно, с собой взять, как уже имеющую опыт в этом сложном деле вовлечения народа в новое

(вернее, уже почившее) религиозное сообщество. Марис временно станет дедушкой, дяде Саше грим не нужен, ну а я в новом обличье уже более-менее освоилась. Будем представлять Детей Плутона.

Дядя Саша поинтересовался у Вахтанга (чтобы поставить все точки над *i*, как он сам выразился), кого пристрелили неизвестные (пока неизвестные, поскольку Вахташа еще не разобрался, кто это устроил за ним охоту) на территории завода.

– Это Важа был, нехороший человек, – заявил Чкадуа.

«Еще один нехороший?» – подумала я.

– Важа Николадзе. Никогда его не любил, но брат мой, Зураб, дела с ним общие имел. Первая жена Зураба – родная сестра Важи, вот и работали. Делами были завязаны. Но я давно его подозревал, правда, проверить все никак не мог. На кого-то он еще работал. Точно работал. Семья у них вся порочная. Знаете, почему Зураб с первой женой развелся?

Мы все покачали головами: откуда мы могли это знать?

– Рога наставила Зурабу. Мало что наставила – сына от своего любовника родила. Какой же мужчина будет жить с женщиной, если ее ребенок – его рога? И Важа скользкий был человек. Я Зурабу говорил: развелся с женой, закончи дела с Важей, но не закончил... Денег много заработать хотел. У Важи связи были большие, очень большие... Но нехороший человек был. Ну да ладно...

– А ваш брат?.. – поинтересовался дядя Саша.

– Зураба сейчас нет в Питере. По делам улетел. А Важа вчера позвал меня на завод. Долго убеждал, что надо ехать ночью, проследить за разгрузкой-погрузкой... Я как чувствовал... Беду чувствовал. Продал меня Важа. Я вот только не знаю, кому. Но выясню. Целый день думал, да еще голову ломал, куда мне после больницы ехать, но теперь вопрос решился. – Вахтанг улыбнулся Марису. – Поеду в Латвию. Где много женщин.

Марис заверил, что сделает Вахтангу визу за день. Чкадуа поинтересовался, нельзя ли и ему какой маскарадный костюм смастерить. Он снова лукаво подмигнул мне. Дядя Саша обещал что-нибудь придумать.

Нам оставалось уточнить последний вопрос – с ночевкой. Я уже догадывалась, что сегодня опять лягу под утро. Ну что ж, мне не привыкать.

Я почему-то не сомневалась, что у дяди Саши есть место (может, даже не одно), где мы могли бы временно обосноваться, но он, наверное, оставлял его (или их) на крайний случай. На самый крайний. Почему бы не поинтересоваться норами Вахтанга? Тем более дядя Саша и в этом мог иметь свой корыстный интерес... Как знать, какое задание он получил от своей «конторы»?

Выяснилось, что у господина Чкадуа, уроженца Тбилиси, гражданина непонятно какой страны (или многих стран?), имелись две квартиры в Санкт-Петербурге и загородная резиденция. Поскольку дача находилась не так уж далеко от одной из наших следующих целей (особняка Дубовицкого), мы решили, что отправимся за город.

Как пояснил Чкадуа, от его резиденции мы без труда доберемся до объекта – по дороге, соединяющей два поселка – Вахташина и Дубовицкого. Ее проложили совсем недавно по желанию дачников, чтобы друзья не тратили зря время, отправляясь в гости в объезд от одного скопления вилл к другому. Путь таким образом сократился на полчаса (при передвижении на «Мерседесе-600» со скоростью двести пятьдесят километров в час). На этой дороге никаких постов ГАИ никогда не было и, наверное, не будет, правда, случалось, что стреляли. Но это местные разборки, и, как правило, правоохранительные органы в них не вмешиваются и даже не всегда узнают о случившемся. Дорогой пользуются только свои. Или их люди.

Вахтанг тут же позвонил своему домоуправляющему (эконому или как там его) и предупредил о нашем приезде. Нам обещали радушный восточный прием.

Следующей остановкой в нашей повестке дня (вернее, ночи) была квартира моего брата. Я боялась только одного: не слишком ли поздно мы туда едем?

Глава 10

Когда мы снова сидели в моей старенькой «бээмвэшке» с Марисом за рулем, я поинтересовалась у напарников (или сообщников?), едем ли мы сейчас прямо на квартиру моего брата или у нас запланированы какие-либо дополнительные остановки. Мне хотелось поскорее попасть к Андрюше, потому что о его судьбе я не прекращала думать ни на минуту.

Дядя Саша взялся за трубку и стал кому-то звонить. По произносимым им междометиям я не смогла понять, ни с кем он разговаривает (за исключением имени собеседника), ни о чем ему сообщают.

– К Андрею, – велел Никитин Марису, отключая связь, и повернулся ко мне: – Скажешь, что уезжаешь в Латвию завтра вечером. Попрощаешься. Каким видом транспорта – уточнять не будешь. На всякий случай.

– Дядя Саша...

– Брат твой цел, что невредим, сказать не могу, остались кое-какие следы на теле... У его приятеля – тоже. А так – все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!

– Я не понимаю...

Никитин усмехнулся.

– Ну что ж тут непонятного? Мы иногда оказываем услуги младшим братьям. Они нам – ответные. Или вначале – они нам, а потом – мы им. Как, например, наша компания – Вахтангу, а Вахтанг – нам. Жизнь так построена, Наташа.

– И какую услугу оказали вам или нам ваши младшие братья? – Я догадывалась, о ком идет речь, но зачем называть некоторые вещи своими именами? В наше время и стены имеют уши, не говоря уже о сиденьях автомобилей и прочих их частях.

– Ребятам нужен определенный процент раскрываемости преступлений. А тут им такой подарок. Те орлики, которых ты сегодня лицезрела, Наташа, к твоему

брату не к первому в гости пожаловали. Как ты, наверное, догадываешься.

Я догадывалась.

– За ними тянется хвост. Ну, может, им еще что припишут, чего они и не делали. А им удастся скрыть то, что делали. В общем, им будет о чем подумать – да и времени на это окажется достаточно.

– Но их начальники... – заговорила я. – Адвокаты могут их тут же вытянуть, а тогда Андрюша...

– Да кому они нужны? Пушечное мясо, как это ни прискорбно. Влипли пацаны, а они ведь такие же парни, как многие их сверстники, которые сейчас или в институте гранит науки грызут, или уже в бизнесе крутятся. Это только простые обыватели приписывают «быкам» какие-то сказочные богатства или огромную власть. Власть – у вышестоящих, деньги тоже. А на судьбу своих подчиненных им плевать. На место этих пацанов тут же придут другие. Накачанных тел и крепких кулаков сейчас избыток.

– Но все равно бандиты зарабатывают больше, чем работяги у станка, – заметила я.

Марис поддакнул.

– Согласен, больше, – кивнул дядя Саша. – И больше, чем в той же ментовке, которая их ловит. Но жизнь-то у ребят коротка и изломана: или посадят, или застрелят. Третьего не дано.

– Да, в газетах пишут только о гибели крупных авторитетов, – сообщил криминальный репортер Шулманис, явно со знанием дела. – А кто станет считать потери простой братвы?.. Ладно, хватит о грустном. Думай, Наташа, что сегодня взяли тех, кто обидел твоего брата и его друга. Они поплатились за дело.

* * *

Андрюша с его милым другом Сережей были пьяны. Меня не узнали вообще, дядю Сашу они оба раньше никогда не видели, с Марисом целовались, как с

одним из своих.

Из их пьяных бредней я поняла, что вначале к ним позвонила та компания, которая прибыла на «девятке», я ее видела внизу. Андрюша с Сережей сдуру открыли дверь, потому что им показалось, что это звонит сосед. Парень так и представился, спрашивал соду, говорил, что у него молоко пригорело, жена придет, будет ругаться, надо кастрюлю с содой прокипятить. («Ох какие теперь «быки» хозяйственные пошли», – подумала я.) Сережа и открыл – и получил в глаз.

В квартиру ворвались трое. Андрюшу тоже быстро скрутили, отволокли любовников в комнату и стали выпытывать, где я да что со мной. Ребятки в самом деле не знали. Вернее, они знали, что Сережин бывший сдал мне какую-то квартиру, но, где она расположена, не представляли. Пьяными голосами Сережа с Андрюшей клялись, что никогда бы не раскололись, если бы об них не стали гасить окурки, предварительно связав и залепив им пластырем рты (стены-то в «хрущобе» тонкие, кто-нибудь из соседей, услышав крики, точно бы милицию вызвал).

Потом они долго разыскивали Сережиного бывшего, что оказалось делом не таким уж простым. Мучители уже стали подумывать, не разыгрывают ли их, хотя и включили телефон на громкую связь, чтобы слышать, что отвечали Сереже те, с кем он связывался. А как только ему назвали адрес на Благодатной, в квартиру брата ворвались люди в пятнистых комбинезонах – словно подгадывали момент. Но это было просто совпадением, которые в жизни случаются гораздо чаще, чем принято думать. «Быков» повязали и отправили в места, где можно долго и хорошо подумать.

Андрюша с Сережей кое-как вставили выбитую дверь, которую теперь будут менять на «сейф», и принялись отмечать успешное завершение мероприятия. Непривычного к алкоголю братца развезло мгновенно. Но вот ведь сволочи, пронеслось у меня в мозгу, даже недодумались позвонить мне, чтобы предупредить о том, как меня усиленно ищут! Правильно говорят: своя рубашка ближе к телу! Я готова понять, что они меня продали, потому что не могли терпеть боль (слабые существа мужики все-таки: это родную сестру, можно сказать, единственную родственницу, продать только потому, что об него окурки гасили!), но чтобы потом даже не позвонить (ведь адрес-то узнали, тут уж телефон выяснить – нет проблем)! Может, на тех «быках» какие «жучки» были, кто-то слушал их разговор... Хотя, пожалуй, нет. Это просто полет моей

фантазии – после общения с Никитиным и Шулманисом.

Дядя Саша, Марис и я переглянулись. Мы поняли, что больше нам у Андрея делать нечего. Никитин мигнул нам с Шулманисом, приглашая выйти на кухню.

– Марис, – обратился он к Шулманису, – своим почерком оставь записку. Неизвестно, вспомнят ли они, что мы приезжали, или нет, а Наташу они точно не узнали. Напишешь что-то вроде: Наташа уехала, когда вернется, не знает. Просила передать привет. Дозвониться не смогла. Подпись оставь свою.

Марис кивнул, сделал как велел дядя Саша, и мы покинули не очень гостеприимный дом моего брата, надеясь в ближайшем будущем испытать на себе грузинское гостеприимство.

Теперь наш путь лежал на дачу Вахтанга Георгиевича.

Глава 11

Его домоуправляющий оказался молодым человеком лет тридцати по имени Вадим. По всей вероятности, этот самый Вадим дело свое знал хорошо, иначе Чкадуа не стал бы оставлять дом на его попечении. Как мы выяснили в дальнейшем, Вадим приглядывал еще за одним домом в поселке. На даче (правильнее будет сказать: загородной резиденции), кроме Вадима, проживали две женщины – что-то вроде горничной и кухарки – и еще один мужчина, которого я назвала бы дрессировщиком собак. То есть две пары, явно приятно коротавшие время в отсутствие хозяина.

Вахтанг предупредил нас, что при подъезде к даче мы должны позвонить Вадиму из машины, чтобы заперли собак. Уже оказавшись на территории за высоким забором, я поняла, что здесь не требуется никакой специально обученной охраны (в смысле – людей), служба безопасности, состоящая из четвероногих охранников, под руководством одного бывалого охотника обеспечивала гораздо более надежную защиту, чем десяток молодых крепких парней.

Дядя Саша, видимо, знавший толк и в собаках (хочу заметить, что старая кагэбэшная школа вызывала у меня все большее и большее уважение – по мере того, как я все лучше и лучше узнавала полковника Никитина), обращаясь к Вадиму, высказался, что зверьки-то больше напоминают волков, чем овчарок.

Вадим усмехнулся и подтвердил:

– Специально выведены. Собаководки, вернее, волкособаки. Может, слышали?

– Доводилось, – кивнул дядя Саша.

Доводилось не только ему, но и Марису, правда, только слышать, а не видеть. Как я поняла, дядя Саша и видел подобных тварей где-то в Сибири.

– А что это такое? – поинтересовалась я, сгорая от чисто женского любопытства.

– Суку во время течки отводят в лес и привязывают. Результат – у нас во дворе.

– А волки ее не раздирают? Вам не жалко собаку, если ее...

И Вадим, и дядя Саша рассмеялись.

– Ни разу не слышал, чтобы такое случилось. Кобеля, наверное, могли бы... Но сейчас и дворовые псы прибиваются к волчьим стаям. Их принимают. Не всех, конечно. А уж суку во время течки – это совсем другой разговор. Собака с волком успешно скрещиваются.

Мне вспомнился Джек Лондон, которым я зачитывалась в детстве. Тогда я думала, возможно ли такое на самом деле. Оказалось – возможно, да и не где-нибудь в Америке, а у нас, неподалеку от родного града Питера. Сколько еще разных интересных зверьков охраняют многочисленные вилочки, в которых господа предаются утехам...

Нас ждал великолепно накрытый стол: Вахтанг Георгиевич велел принять дорогих гостей с душой. Несмотря на то, что прислугу, скорее всего, разбудили, чтобы это все приготовить, все нам улыбались, встречая как родных. По всему было видно, что работающие на Вахтанга люди жизнью довольны и за место

свое держатся.

Когда я вышла из гостиной, где уютно потрескивал камин и стол ломился от яств, Вадим деликатно поинтересовался, сколько комнат нам готовить. Я задумалась на мгновение и ответила:

- Три.

Вадим кивнул с ничего не выражающим лицом и удалился. Я решила, что в случае крайней необходимости всегда смогу зайти в гости к Марису, а так я очень устала и хотела нормально выспаться. А то еще вздумает опять будильник ставить, как сегодня. Вернее, вчера. Мои сутки совсем не соответствовали общепринятым.

Сняв маскарадный костюм, смыв грим и приняв душ, я рухнула на белоснежные простыни и заснула, едва успев донести голову до подушки.

* * *

Когда я на следующий день спустилась вниз, Марис с дядей Сашей уже позавтракали, а нормальные люди, наверное, и пообедали. Может, кто и ужин готовил.

При виде меня в моем обычном виде удивление в глазах прислуги читалось лишь в первые мгновения, потом все они очень быстро взяли себя в руки.

Выдрессированы были как надо и, наверное, уже привыкли ничему особо не удивляться.

Дядя Саша и Марис сидели за столом, обсуждая с Вадимом дальнейшие планы. Вахтанг сказал нам, что его домоуправитель окажет нам всяческое содействие и что на него можно полностью положиться.

Нас интересовал второй поселок, к которому вела новая дорога. Вадим и Чкадуа так и именовали ее - Новая, потому что никакого другого названия придумано не было.

К нашему большому сожалению, Вахтанг Георгиевич возвел свой особняк не в той куче, где стояла дача Геннадия Дубовицкого. Но, может, так и лучше. А то бы еще кто увидел «проповедников», выходящих из одной виллы, заходящих в другую, а потом возвращающихся обратно. Странно было бы, что компания юродивых пущена на побывку к господину Чкадуа. Марис, дядя Саша и Вадим обсуждали, как подобраться к даче Дубовицкого и вообще появиться во втором поселке, чтобы не вызвать особых подозрений.

– Здесь есть где-нибудь поблизости железнодорожная станция? – спрашивал Никитин, пока я уплетала бутерброд с ветчиной, просто таявшей во рту.

– До нее километров семь-восемь, – ответил Вадим. – Там несколько дачных кооперативов. В смысле, шестисоточных. Вам нужно появиться именно со стороны этих дач.

Дядя Саша кивнул, соглашаясь. Мысль была мудрая.

– Но, к сожалению, вилла Дубовицкого стоит последней, если идти оттуда, – продолжал Вадим. – Чтобы не привлекать внимания, вам придется пройти и по другим. Их двенадцать. Его тринадцатая.

– Ну что ж, пройдемся. Странно было бы, если бы мы заявили только в один дом.

– А откуда ты знаешь, где стоит дом Дубовицкого? – поинтересовался Марис. – Ты всех хозяев знаешь?

– Ну, личным знакомством ни с одним похвастать не могу, – усмехнулся Вадим. – Но знаю. Работа такая. Ничего удивительного: практически в каждом из этих домов есть человек, знающий, кто в какой вилле проживает. Это нормальная практика.

Дядя Саша кивнул и попросил Вадима нарисовать план того поселка. Вилла Геннадия Павловича стояла у леса.

– Может, из лесочка ее оглядеть сегодня ночью? – размышлял вслух дядя Саша.

– Что вы увидите ночью? – подала голос я. – Хотя ночи и белые, но не настолько же. Тем более лес.

– Я – увижу, – рассмеялся Никитин. – Ты же знаешь, какая у меня вместительная сумка и что в ней лежит много всяких нужных и интересных вещей.

Да, полковник Никитин подготовился к делу тщательно. Вот только к какому?

– А если просто проехать мимо дома? – предложил Марис.

Вадим покачал головой.

– Там дорога заканчивается. Дальше – лес. Вот это как раз может показаться странным. Если бы Геннадий Павлович жил с другой стороны – иное дело.

– Обидно, досадно, но что поделаешь, – прокомментировал Марис.

Дядя Саша тем временем изучал нарисованный Вадимом план.

– Ты высадишь меня вот здесь, – ткнул он пальцем. – Потом я прогуляюсь по лесочку, проведу рекогносцировку, посмотрю пути отхода и вернусь тем же путем.

– Вы что, собрались идти в одиночку? – спросили мы одновременно с Марисом.

Никитин кивнул.

– Я пойду с вами, – сказал Марис.

– И я тоже, – добавила я.

– Мариса я еще могу взять, – заявил дядя Саша, – но тебе, Наталья, ночью в лесу делать нечего.

– Я везде найду что делать, – заметила я. – И женский глаз может заметить то, что пропустит мужской. Вы от меня так просто не отделаетесь. Я иду – и точка.

Дядя Саша, уже на личном опыте испытавший мое упрямство, махнул рукой, понимая, что я все равно увяжусь следом. Марис пожал плечами, принимая мое желание не отставать от мужской компании как должное. Вадим сидел с ничего не выражающим лицом, не вмешиваясь в наш разговор.

Затем Никитин решил, что нам стоит проехать до этой железнодорожной станции, посмотреть на дачные кооперативы и вообще на окрестности при свете дня. Вадим пошел за машиной (это оказался «Лендровер» – как раз та машина, на которой стоит выезжать за город: мало ли какие дороги попадутся на пути) и вывел ее из гаража. Мы забрались внутрь – Марис спереди рядом с водителем, мы с дядей Сашей сзади, – и Вадим начал экскурсию по окрестностям.

Дачные кооперативы были самыми обычными, рассказывать про них, в общем-то, нечего. Одни домики побольше, другие поменьше, но это были именно дачные домики, поставленные на шести, в лучшем случае на двенадцати сотках. Увиденное же нами при свете дня в двух «поселках» было совсем из другой оперы.

Каждая вилла стояла за оградой, кое-где этажи возвышались над ограждениями, кое-где забор скрывал весь дом.

Дядя Саша тем временем разглядел возвышавшийся в отдалении небольшой пригорочек и велел Вадиму ехать туда.

– Далековато, – заметил Вадим. – С такого расстояния ничего не разглядите.

Но у полковника Никитина был с собой бинокль с шестидесятикратным увеличением. Разглядеть удалось многое.

С пригорочка при помощи бинокля можно было даже заглянуть за ограды. Охранники прогуливались по территории только трех из тринадцати участков. Молодые люди в пятнистых комбинезонах несли службу у Дубовицкого. Еще в трех домах за оградями прогуливались крупные псы, в остальных не было никого.

– Делаем выводы, – сказал дядя Саша. – Есть что охранять у интересующего нас объекта. У остальных – только их барахло.

Я задумалась над словами дяди Саши. В самом деле, если бы хозяевам других вилл было что прятать от глаз людских (серьезно прятать, так, чтобы никто не нашел), то они наняли бы хотя бы по паре охранников. Значит, они считали, что лезть к ним не за чем. Тем более в таком «поселке» новый человек сразу окажется на виду. Обычные дачники проезжают на свои участки по той дороге, по которой проследовали и мы, не задерживаясь и не останавливаясь. Но никакой серьезной охраны ни в одном доме, кроме особняка Дубовицкого, не было. Все-таки это дачный поселок. Люди здесь постоянно не живут, приезжают только отдохнуть, расслабиться. Приезжают и уезжают. Ничего ценного здесь не держат. Для хозяев этих вилл мебельные гарнитуры за несколько тысяч баксов особой ценности не представляют. Да и кто поедет сюда, например, воровать мебель? Брюлики, золотишко в слитках, «дипломаты» с пачками «зелени» тоже наверняка в этих домах не валяются. То есть отсутствие специальной охраны вполне понятно. Она тут не нужна. Крепкая ограда, в крайнем случае – собачка. И хватит. Тогда почему у Дубовицкого по территории расхаживают молодцы в пятнистых комбинезонах?

И ограда у него самая высокая. Дядя Саша дал мне взглянуть в бинокль. Я стала разглядывать кирпичный трехэтажный особняк и то, что его окружало. Мне удалось рассмотреть, что и ограда у Гавнадия Павловича непростая: так просто не перелезешь.

– Там у них ток проходит, что ли? – повернулась я к дяде Саше, опуская бинокль.

– Молодец, Наталья, – похвалил он, – сразу сообразила. По всей вероятности, да. А стеклышки поверху видела?

Я снова поднесла бинокль к глазам. Очень мило. Опасаются незваных гостей?

– То есть мы можем идти только через главные ворота? – уточнила я. – Проповедниками?

Дядя Саша пожал плечами. Он пока не знал точно и собирался вечером подобраться поближе к дому, как раз проверить надежность охраны, но склонялся к мысли, что завтра мы все-таки попробуем войти сквозь главный вход, как белые люди. Как Дети Плутона.

Марис очень долго разглядывал виллу Дубовицкого. Наверное, надеялся высмотреть свою Руту в одном из окон. Царевну, заключенную негодяем в свой замок. Но где гарантия, что она там? – хотелось мне спросить у него. Может, вообще зря мы всю эту деятельность развели. И мне-то зачем эта Рута сдалась? Идти в дом, принадлежащий Геннадию Павловичу, мне с каждой минутой хотелось все меньше и меньше.

* * *

Наконец мы поехали обратно в хоромы Вахтанга Георгиевича. Приближаясь к дому, Вадим связался по рации с Ленкой, отвечающим за собак, и велел их запереть. И тут у меня возник вопрос, который должен был появиться гораздо раньше: а что эта свора охраняет у дорогого Вахташи? Эти четвероногие друзья человека казались мне даже надежнее ребят в пятнистых комбинезонах, пусть и не были вооружены ни автоматами, ни пистолетами, ни гранатами. Такой зверек вопьется в горло – и объясняй ему потом, что он был не прав. Скорее всего, объяснять придется уже ангелам. Или чертям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zhukova-gladkova_mariya/sekretnaya-missiya-supermodeli

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)